

1

2009

СЛАВЯНСКОЕ ТЕРМИНОВЕДЕНИЕ

СЛАВЯНСКОЕ
ТЕРМИНОВЕДЕНИЕ

Истоки славянского терминоведения

Российская школа терминоведения

Украинская школа терминоведения

Белорусская школа терминоведения

МОСКВА
МИНСК

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОМИТЕТ СЛАВИСТОВ
РОССИЙСКОЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКИЙ ЛИЦЕЙ

Главный редактор

Виктор А. ТАТАРИНОВ
(Россия)

Члены редколлегии

- Валентина Г. КУЛЬПИНА – заместитель гл. редактора (Россия)
чл.-корр. БАН Мария ГАНЧЕВА ПОПОВА – заместитель гл. редактора (Болгария)
Светлана Г. КАЗАРИНА – ответственный секретарь (Россия)
Инкери ВЕХМАС-ЛЕХТО – член редколлегии (Финляндия)
Станислав ГАЙДА – член редколлегии (Польша)
Сергей В. ГРИНЕВ-ГРИНЕВИЧ – член редколлегии (Польша, Россия)
Галина А. ДИАНОВА – член редколлегии (Россия)
Владимир В. ДУБИЧИНСКИЙ – член редколлегии (Украина)
Ванда ЗМАРЗЕР – член редколлегии (Польша)
Юрий Н. МАРЧУК – член редколлегии (Россия)
Зилаира Р. ПАЛЮТИНА – член редколлегии (Россия)
Галина Г. САМБУРОВА – член редколлегии (Россия)
Александра В. СУПЕРАНСКАЯ – член редколлегии (Россия)
Эберхард ФЛЯЙШМАН – член редколлегии (Германия)
Вячеслав К. ЩЕРБИН – член редколлегии (Беларусь)

Журнал основан В. А. Татариновым в 2009 г. Выходит 2 раза в год.
Директор издательства Л. Р. Королев. Выпускающий редактор Н. А. Иванова.
Дизайн В. А. Татаринов. Подписано к печати 2.2.2009. Формат 60х90 1/8.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. п.л. 4. Уч.-изд. 5,3. Тираж 300 экз. Зап. № 2524
Издательство «Московский Лицей».
129337, Москва, Ярославское шоссе, д. 2, к. 1. Тел. 8-499-188-33-10. Интернет-сайт: www.mli.ru.
Тел. редакции: +007(495) 331-69-19. E-mail редакции: slavtergov@mail.ru.
Рукописи направляются в журнал только после предварительного согласования с редакцией.
Редакция оставляет за собой право неконфиденциального редактирования принятых к опубликованию материалов.

Отпечатано в ГУП «Брянское областное полиграфическое объединение»
241010, г. Брянск, пр-д Ст. Дмитрова, 40
Тел.: (4832) 41-45-64, 41-44-23

Славянское Терминоведение № 1 2009

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ПО ПРОБЛЕМАМ ТЕРМИНОВЕДЕНИЯ И ТЕРМИНОЛОГИКИ

СОДЕРЖАНИЕ

- Приветствие Председателя Международного комитета славистов *А. А. Лукашанца* 2
Dixi главного редактора 3

Общее терминоведение

- Е. М. Верещагин**
Истоки славянского терминотворчества: Кирилл и Мефодий 4
А. В. Суперанская
Из истории Терминологической комиссии Международного комитета славистов 7
В. А. Татаринov
Российская школа терминоведения: от традиций стандартизации к амбисемантической парадигме 9
В. В. Дубичинский
Современное терминоведение украинского языка 13
М. Г. Антонюк, Г. А. Гвоздович
Терминологические исследования в Беларуси 16
Г. А. Гвоздович, М. Г. Антонюк
Вклад Л. А. Антонюк в становление Белорусской школы терминоведения 19

Отраслевое терминоведение

- В. А. Береснева**
Гносеологические корреляции термина «синкретизм» в философии и лингвистике 22

Терминография

- В. К. Шербин**
Основные направления белорусской терминографии 25

Рецензии

- В. Г. Кульпина, В. А. Татаринov**
Оригинальный подход к терминографии как науке о создании терминологических словарей 28
В. В. Дубичинский
Принципы обоснования общенаучной терминографии 30

Терминологические новости

- Хроника терминологических событий (*В. К.; С. В. Гринев-Гриневич; Л. А. Васенко, О. М. Кримец*) 31

Copyright

© Татаринov В. А., составление, научное редактирование, 2009
© Авторы статей, 2009

Приветствие Председателя Международного комитета славистов А. А. Лукашанца

Появление нового периодического научного издания всегда является исключительно важным и знаменательным событием в жизни научного сообщества и свидетельствует о масштабе, актуальности и высоком уровне развития данной области науки, востребованности ее результатов в обществе. Образование после XIV Международного съезда славистов научного журнала «Славянское терминоведение», безусловно, станет весьма заметным событием в мировой славистике, будет способствовать объединению и взаимодействию широкого круга ученых в области научной терминологии, позволит сконцентрировать усилия специалистов на наиболее важных и актуальных проблемах в данной отрасли славянского языкознания.

Весьма примечательно, что новое издание призвано по своей сути стать печатным органом такого авторитетного научного института, как Комиссия по терминоведению при Международном комитете славистов. Во-первых, сам факт создания научного журнала отдельной Комиссией говорит о высоком международном авторитете Комиссии, а также о важности такого вида научной деятельности в рамках Международного комитета славистов. Во-вторых, пример данной Комиссии, хочется надеяться, послужит хорошим стимулом для других комиссий при МКС. В-третьих, существование специализированного периодического издания позволит поднять на новый уровень научную работу и самой Комиссии, и Международного комитета славистов в целом, будет способствовать не только пропаганде научных исследований в конкретной научной дисциплине, но и повышению престижа всей славистики в мире как интенсивно

развивающейся и востребованной области современной гуманитарной науки. Наконец, журнал даст возможность более широко представить научной общественности результаты работы Комиссии по терминоведению в период между съездами славистов, что, в свою очередь, внесет вклад в успешную выработку наиболее актуальной проблематики в данной сфере современной лингвистики для обсуждения на очередном, XV, Международном съезде славистов в Минске.

Уверен, что «Славянское терминоведение» займет достойную нишу в кругу лингвистических изданий, что специалисты будут оперативно обсуждать на его страницах важные и актуальные проблемы современной терминологии, а читатели найдут ответы на интересующие их вопросы.

Позвольте пожелать новому журналу успешного плавания в безбрежном море актуальных проблем научной терминологии, продолжения и развития богатых традиций мирового, российского и славянского терминоведения, а его редколлегии — плодотворной деятельности по объединению, интеграции и координации усилий всех славистов мира в решении животрепещущих проблем современного терминоведения.

Председатель
Международного комитета славистов,
Председатель Белорусского комитета славистов,
Председатель
Комиссии по славянскому словообразованию МКС,
Директор Института языка и литературы
имени Якуба Коласа и Янки Купалы
Национальной академии наук Беларуси,
доктор филологических наук
А. А. Лукашанец

Терминоведение как лингвоэпистемологическая научная отрасль уже не требует обоснования. Терминология как научный объект терминоведения является ключевой составной компонентой любой профессии и любой сферы человеческой деятельности. Терминологи уже давно осознали факт, что

*кто владеет терминологией,
тот владеет цивилизацией.*

Однако все еще нет четкого осознания насущной необходимости подготовки специалистов-терминологов, без которых нет и воспроизводства высококвалифицированных ученых-терминологов.

Требуются довольно значительные, разнообразные и длительные усилия по проектированию и конституированию последовательной и постоянной системы подготовки терминоведческих кадров с целью их квалификационного соответствия вызовам настоящего времени и изменяющейся общественно-языковой практики.

Ученые всегда пытались осознать феноменальность термина, заключающуюся в том, что термин постоянно прирастает новым знанием и не вызывает при этом коммуникативных сбоев в научной сфере общения. Концепт плывущего, амбисемантического, содержания термина без труда обнаруживается в размышлениях Кондильяка, Лейбница, Уэвелля, Милля, Энгельса, Чернышевского, Пуанкаре, Ольшки, Вл. Соловьева, Флоренского, Карсавина...

Прагматика жизненных запросов постоянно ввергала терминологию в иное русло — русло унификации мысли и стандартизации форм ее вербализации. К концу XIX в. без стандартизации не обходилось ни одно международное, государственное или общественное мероприятие. Сейчас, похоже, меры в области нормирования терминологии могут уже ограничиться только необходимой текущей работой.

Решением задачи лингводидактического и логистического соответствия вызовам времени и общественно-языковой практики в области терминологии и терминоведения будет заниматься Комиссия по терминоведению Международного комитета славистов, учрежденная по инициативе профессора С. Гайды на XIV Международном съезде славистов в сентябре 2008 г.

«Славянское терминоведение» становится органом Комиссии по терминоведению МКС.

«Славянское терминоведение» предоставляет терминологам возможность продолжить мыслительные традиции изучения сущностно-философского предназначения терминологий в национальных языках.

«Славянское терминоведение» ставит своей целью консолидировать усилия ученых в развитии полиаспектной методологической базы терминоведения и тем самым внести вклад в поддержание уникального интеллекта *homo sapiens*.

«Славянское терминоведение» продолжит публикационные традиции Российского терминологического общества, издававшего в 1993—2000 гг. журналы «Терминоведение», «Терминологический вестник», «Русский Филологический Вестник», «Русский Исторический Вестник», «Вопросы полонистики», «Функциональные исследования» и «Лингвистическая серия РФВ». При журнале учреждается «Международная библиотека журнала „Славянское терминоведение“».

«Славянское терминоведение» надеется на сотрудничество как с классическими терминологическими школами, так и с новыми терминологическими организациями и институтами.

Председатель
Комиссии по терминоведению (СлавТерм)
Международного комитета славистов,
Президент
Российского терминологического общества
(РосТерм),
доктор филологических наук
В. А. Татаринов

Истоки славянского терминотворчества: Кирилл и Мефодий

Евгений Михайлович Верещагин,
главный научный сотрудник
Института русского языка
им. акад. В. В. Виноградова
Российской академии наук,
член Комиссии по славянским
литературным языкам
Международного комитета славистов,
доктор филологических наук,
профессор, veresagn@ints.ru

Как только первоучители приступили к своей переводческой деятельности (т. е. на самом первом, еще византийском, ее этапе), в поле их зрения оказался массив текстов, насыщенных специальной (в частности, теолого-догматической) терминологией.

И на последующих этапах совместной переводческой деятельности братьев или затем только Мефодия (т. е. великоморавском, разделенном на три временных периода; впоследствии, уже для учеников первоучителей, балканском) проблема терминотворчества на вновь созданном, точнее, создаваемом славянском литературном языке постоянно стояла во весь рост. Действительно, переводчики ветхо- и новозаветных книг, определений соборов, патристических трактатов, изложений веры, гомилетических и агиографических творений, кормчих, литургической поэзии, хронографов и т. д., — именно переводчики, созидавая литературный язык, конечно же, одновременно были и творцами философско-теологической и прочей специальной терминологической номенклатуры.

Народные говоры языческого славянства, наряду с лексикой для выражения обиходно-бытовых понятий, к VII—IX вв. уже развили собственную терминологию в обособившихся сферах жизни, а именно: верований, родства, этики, общественного устройства, земледелия, охоты, ремесел, военного дела, строительства жилищ и т. д. Как показал еще Ф. И. Буслаев, эта дохристианская терминология славянских говоров оказалась почти полностью непригодной для передачи радикально новой совокупности воззрений, взглядов, представлений и понятий новой веры (сложившихся к тому же в пределах далекой от славянского мира и резко противопоставленной язычеству культуры).

По этой причине именно лексико-терминологические пробле-

мы встали в первую очередь перед переводчиками буквально самой первой фразы из Свщ. Писания.

В Прологе провозглашается (1) изначальность и, стало быть, (2) вечность слова: *искони бѣ слово*. Затем подчеркивается (3) его божественное происхождение и, более того, (4) тождество божеству: *слово бѣ отъ (ъ) в(о)д, и в(о)тъ бѣ слово*. Излагается (5) мысль о креационной функции слова: *всье тѣмь бѣ шьа. I вежнего ничьтоже не бѣ шьтѣ. еже бѣ шьтѣ*. Слово приравнено (6) жизни: *бѣ томь животъ бѣ*. Вершиной Иоанновой концепции слова, согласно мнению специалистов, является учение о (7) материализации духа, которое в христианской догматике преломилось как (8) воплощение второй ипостаси Троицы, — *I слово плътъ бѣ шьтѣ. I всьемьса бѣ ны. I видѣхомъ славя его*.

Если воспользоваться понятиями концепции лексического фона (см. [1, с. 15 и след.]), то в Прологе нашли свое выражение 8 семантических долей слова *слово*. В Прологе речь отнюдь не идет о слове в обиходно-бытовом смысле, т. е. об «обычной» единице «обычного» языка. *λόγος* не есть обиходно-повседневное выражение, а восходящий к нему, но оторвавшийся от него и, стало быть, *одноименный* философский термин.

Когда первоучители отождествляли греческий термин *λόγος* и славянскую лексему *слово*, состоялся молчаливый, но тем не менее вполне очевидный перенос на славянскую обиходную лексему греческой философской (и неотделимой от нее богословской) семантики. Перед нами акт терминотворчества: скорее всего, мы наблюдаем (вне духовных границ язычества) возникновение первого философского термина на славянской почве.

Создание (адекватной греческой) славянской терминологической номенклатуры стало задачей солунских братьев в первый момент их переводческой деятель-

ности, и эта задача оставалась для них актуальной на всем протяжении просветительских трудов.

Кирилл и Мефодий заложили костяк славянского теолого-философского языка: они «являются создателями первой философской терминологии на славяно-болгарском языке, включающей такие общие понятия, как *естество, свойство, сущность, природа, вселенная, закон, бытие, небытие, Бог, божество, идея, существо, понятие, мудрость, воображение, диалектика, философия* и многие другие» [3, с. 26—27].

Прежде чем перейти, однако, к непосредственному предмету рассмотрения, требуется, во-первых, кратко суммировать то понимание термина и терминотворчества, к которому мы примыкаем, и, во-вторых, столь же кратко охарактеризовать приемы создания терминов, уже бывших предметом описания.

В определении термина непременно присутствует указание на особую (по сравнению с обычным словом) природу так названной лексической единицы. Термин — это принадлежность специального (научного, технического, ремесленного, промыслового и т. д.) языка, средство номинации специальных (свойственных науке, технике, ремеслу, промыслу и т. д.) понятий или предметов.

Поскольку термин принадлежит не всеобщему, а групповому языку, его семантика относительно податлива сознательным, целенаправленным, регулирующим модификациям. Группа может «договориться» вкладывать в тот или иной термин известное содержание. Конечно, группа лиц, объединенных общим родом занятий или совокупностью взглядов, с одной стороны, бывает способна создавать новые слова (путем деривации, словосложения); с другой стороны, чаще бывает, что группа внутри себя согласится по особому толковать какое-либо сло-

во или словосочетание всеобщего языка (так имеет место *терминирование* общезыкового слова).

Если же слово обиходно-естественного языка терминировано, это непременно означает, что у него теперь новая семантика. Что это так, вытекает хотя бы из того, что термины называют понятия или предметы, отсутствующие в общезыковом сознании, произведенные как раз в рамках групп «специалистов». Перемены в семантике бывают различными (от малоощутимых сдвигов до противоположности смысла слов), но все же в типичном случае термин сохраняет смысловые связи с одноименным словом.

Кроме того, надо отметить ведущую роль индивида в терминовтворчестве. Если (вслед за Соссюром) всеобщий язык можно по отношению к отдельному члену языковой общности уподобить явлению *природы*, — следовательно, слова и в плане внешней формы, и в плане содержания «принудительны» для каждого, — то специальный язык уподобляется явлению *культуры*, и термины (в обоих планах) могут формироваться и изменяться по воле индивида. Группа выделяет из своей среды лидеров (признанных ученых, основателей школ, авторитетных изобретателей, военачальников, вождей, мастеров и т. д.), а эти последние вносят свой ощутимый вклад в терминологический багаж группы. Следовательно, если словотворчество, как правило, коллективно, то терминовтворчество может быть и индивидуальным.

Наконец, подчеркнем эзотеричность группы по сравнению с незамкнутой языковой общностью: член этой общности может стать членом группы не просто с ее согласия, а только овладев (через сознательное обучение) соответствующим специальным языком.

Такова сумма сведений о термине. Как и любая другая, сумма эта схематична, прямолинейна, но, надеемся, не слишком искажает и упрощает сложные явления (см., впрочем, [1, с. 159—169]).

Первый прием в терминовтворчестве — транспозиция

Итак, отождествив греч. λόγος и слав. слово, Кирилл и Мефодий осуществили индивидуальный акт терминовтворчества. Они пере-

местили славянское обиходное, повседневно, общезыковое слово *слово* в разряд терминов и соответственно перенесли на него (благодаря эзотерическим контекстам Пролога) целый комплекс сведений и ассоциаций — «приписанных» семантических долей, как мы видели, оказалось восемь. Конечно, ограниченный контекст Пролога не исчерпывает широкого — широчайшего — семантического пространства этого центрального философского термина [см. 2, 4—7].

Пусть примененный здесь прием — он состоит в перенесении лексической единицы из всеобщего языка в групповой — называется *транспозицией*. В музыковедении транспозицией называют перенос звуков музыкального произведения на определенный интервал вверх или вниз, причем само произведение одновременно и изменяется (в тональности), и сохраняется (в мелодике). Аналогично и в случае терминовтворческой транспозиции слово, ставшее термином, также имеет внешне противоречивые характеристики: его семантика, конечно, модифицируется, но в то же время не порывает с исходной.

Прием транспозиции в славянском философско-теологическом терминовтворчестве нашел широчайшее применение.

Второй прием в терминовтворчестве — заимствование

Второй прием терминовтворчества — *заимствование*, т. е. перенос (путем фонетико-морфологической адаптации) греческого термина в его внешней форме на славянскую почву. В Прологе среди заимствований встречаются только имена собственные, однако в других евангельских текстах немало и нарицательных имен, выступающих как теолого-философские, в том числе этико-эстетические, термины. Например, авва, аминь, ангель, (архи)ерей, вельзеволъ, геена (геона), евангелие, ехидна, легеонъ, лепта, мамона, осанна, паракантъ, пасха, равви, сканъдалъ, скниина, сотона, талантъ, фарисен, упокоритъ и другие.

Третий прием в терминовтворчестве — калькирование

Третий прием — *калькирование*, т. е. построение славянских

номинативных словосочетаний или производных и сложных слов по моделям соответствующих греческих терминов.

Примеры терминологических словосочетаний: *ветъхъни завѣтъ* при греч. παλαιά διαθήκη, *ветъхъни чловѣкъ* при παλαιός άνθρωπος или нишгъни доухъмъ при πνοαὶ τῷ λυεῖματι.

Морфологическая калька *инчадъ* при греч. ἰνοο-γενής встретила уже в первоначально переведенном Прологе, и число подобных калек значительно в евангелиях и особенно в патристических переводах. Большинство имен существительных с абстрактным — преимущественно философско-теологическим — значением по образованию представляют собой кальки.

Четвертый прием в терминовтворчестве — ментализация

Сущность приема осмысления, или *ментализации*, заключается в следующем. Если переводчик, прибегающий к трем известным приемам, работает исключительно на уровне лексических понятий, то ментализация — это переход с понятийного на (более сложный и разветвленный) фоновый уровень, перевод не самого исходного слова-термина, а какой-либо семантической доли из его смыслового объема.

Приемы транспозиции, заимствования и калькирования встречаются весьма часто, они в какой-то мере напоминают механическую работу; эти три приема, по нашему мнению, свойственны *технике* терминовтворчества.

Иное дело — ментализация. Чтобы образовать новый славянский термин путем выбора славянского слова, которое, на первый взгляд, даже и не относится к греческому источнику, требуется собственный взгляд на общий смысл переводимого, учет контекста и образованность. Требуется также смелость, поскольку при транспозиции, заимствовании или кальке всегда и каждому очевиден мотив, основание перевода, а при ментализации постижение мотива — неочевидного, скрытого и сложного — доступно не всегда и отнюдь не каждому. Следовательно, ментализация таит в себе повышенную опасность быть обвиненным в произволе или, хуже того, в ереси. Каждый случай мен-

тализации никак не назовешь рутинным и массовым, он не сопряжен с большими количествами идентичного материала.

За каждым случаем ментализации при терминотворчестве стоит нетривиальное решение, внесение переводчиком в новый термин (в его смысловой объем) частицы собственной личности. Стало быть, ментализация объективирует не технику, а искусство терминотворчества.

Прием ментализации наблюдаем применительно к важному эсхатологическому термину *паровѡа* (ожидание второго пришествия занимает центральное место в мессианских представлениях). В Евангелии этот термин встречается четыре раза. В трех случаях при переводе использован прием транспозиции: *паровѡа* переводится как *пришествіе* или *пришествіе* (Мф 24, 3, 27, 39). В одном случае встречаем прием ментализации: *ѣкоже во во дньи новѣтъ. тако вждетъ и въ дньи (ѣ паровѡа) с(ы)на чл(о)в(ѣ)чскаго* (Мф 24, 37).

Весьма интересно наблюдать за способами перевода естественнонаучного термина *тѡ ѡрсеv*. Он в Евангелии встречается трижды, всякий раз переводится иначе, причем с тенденцией к росту осмысления. Мф 10,6 представляет собой случай транспозиции: *отъ начала създанію. мѣжа (ѡрсеv) и женѣ сътворишь ѣсть в(о)г(ъ).* В Мф 19,4 наблюдается ментализация, так сказать, первой степени — одно греческое слово переводится двумя славянскими, уточняющими друг друга: *іскони мѣжескъ полъ (ѡрсеv) и женескъ. сътворишь естъ.* Наконец, Лк 2,23 дает ментализацию второй степени: *въсѣкъ младенець мѣжъска полу (пѡв ѡрсеv).*

Представляется, что опора на осмысление является следствием общепрофессорской позиции славянских первоучителей. Отвечая на вопрос логофета, что *късть философіа*, Кирилл сказал: *в(о)жнмъ и чл(о)в(ѣ)чскымъ вещьмъ разоумъ*, т. е. на первое место в системе философии поставил не механическое накопление знаний, а понимание («разум») «вещей» (явлений).

Остается повторить, что прием ментализации — это подлинное творчество. Ментализация ведет, казалось бы, к удалению от переводимого текста, но ею достигается более глубокая, внутренняя,

смысловое соответствие — стало быть, это удаление исключительного внешнего, формального. Ментализация в терминотворчестве — характерная, отличительная черта именно Кирилло-Мефодиевских переводов. В последующие эпохи роль ментализации заметно сокращается: возрастает удельный вес транспозиции и особенно калькирования (даже старые термины, созданные благодаря осмыслению, ригористически замещаются кальками), что временами увеличивает буквализм и, как следствие, невразумительность.

Пятый прием в терминотворчестве — *экспликация*

С внешней стороны прием экспликации состоит в том, что одному греческому слову ставятся в соответствие два (редко три) славянских. С внутренней стороны прием заключается в придании результирующему славянскому тексту — по сравнению с исходным греческим большей определенности. Переводчик предвидит, что если он сохранит исходную греческую форму, то в восприятии славянского читателя возникнет или недопонимание, или двусмыслица, или, что хуже всего, извращенное понимание.

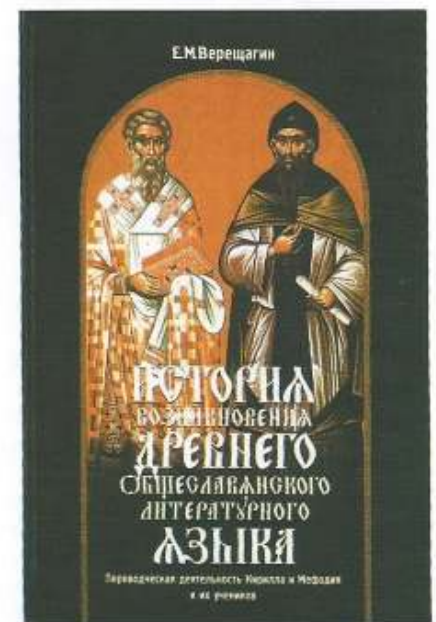
Например, в Лк 14,1—2 говорится об исцелении больного водянкой: *каі іδου άνθρωπος тис ην υδρωλικός επιρροσθεν αὐτοῦ, — и се члвкъ едннъ нмъ водъннн троудъ. вѣ прѣдъ нимъ (по-прежнему цитируется Мар).* Первоучители, очевидно, не нашли готового славянского названия для соответствующей болезни, поэтому прибегли к экспликации. В итоге на месте одного греческого слова имеем три славянских: *нмъ водъннн троудъ.*

Итак подытожим: среди переводческих приемов Кирилла и Мефодия устанавливается еще один — *экспликация*. Он приводит к увеличению количества полнзначных слов в результирующем тексте и (по сравнению с исходным) к возрастанию его определенности, вразумительности. Хотя экспликация и содержит в себе элементы профессиональной техники, все же в целом она представляет собой не нечто рутинное, механически повторяющееся, а — явление творческое. На самом деле: в каждом случае переводчик лишь в количествен-

ном плане просто прибавляет еще одно или два слова. Каждый случай перевода — единичен и уникален. Решения не могут приниматься по шаблону.

Поскольку переводческие решения в области терминологии в дальнейшем закрепились и созданные термины входили в язык (науки), это переводческое искусство допустимо отождествить с искусством языковотворчества.

Подробнее с этими и другими приемами терминотворчества Кирилла и Мефодия можно ознакомиться в моей книге «История возникновения древнего общеславянского литературного языка. Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников».

Литература

1. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. М., 1980.
2. Лосев А. Ф. Логос // Философская энциклопедия. М., 1964. Т. 3.
3. Краткая история болгарской философской мысли. М., 1977.
4. Трубецкой С. Н. Учение о Логосе в его истории. Философско-историческое исследование. М., 1906.
5. Муретов М. Л. Учение о Логосе у Филона Александрийского и Иоанна Богослова. М., 1885.
6. Aal A. Geschichte der Logosidee in der grichischen Philosophie. Leipzig, 1896—1899. Bde I—II.
7. Kolber W. Die Logoslehre von Heraklit bis Origen. Stuttgart, 1958.

Из истории Терминологической комиссии Международного комитета славистов

Александра Васильевна Суперанская,
главный научный сотрудник
Института языкознания Российской
академии наук, член Российской
географического общества,
член Международного комитета
ономастических наук,
член Ономастической и
Терминологической комиссий
Международного комитета славистов,
доктор филологических наук,
профессор,
superanskaya@mail.ru

Ни одна научная дисциплина не может развиваться без строгой, однозначно используемой терминологии. Малейшее отклонение создаёт двойственность смысла, неверное понимание идеи. Вот почему, по мере развития науки, необходимо вносить коррективы в её терминологические системы.

Современное состояние славистических работ в мире характеризуется единством терминологии в традиционных областях знания, например в изучении древних текстов, и его отсутствием в новых, например в ономастике.

В 1958 г. в Москве состоялся IV Международный съезд славистов, первый после длительного перерыва, связанного со Второй мировой войной. Помимо заседаний с многочисленными докладами, на Съезде работал ряд комиссий: информационно-библиографическая, транскрипционная, терминологическая и др. Было предложено, чтобы эти комиссии стали постоянно действующими при Международном комитете славистов с подкомиссиями при национальных комитетах славистов. Деятельность комиссий до 1960 г., когда состоялось очередное заседание Международного комитета славистов, была объявлена подготовительной.

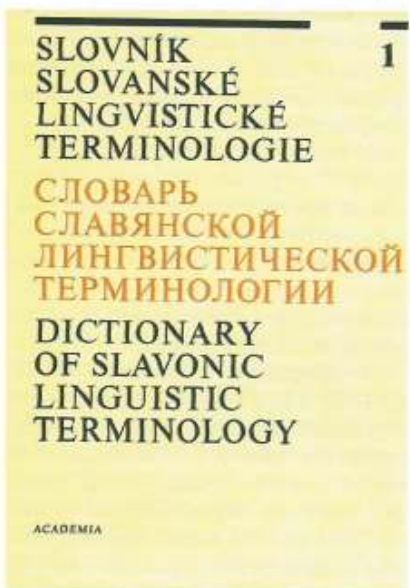
На заседании Терминологической комиссии было намечено «начать работу по унификации литературоведческой и лингвистической терминологии. В этих целях создать проект терминологического словаря и библиографию терминологической литературы» (IV Международный съезд славистов. С. 160—161).

Предполагалось, что в каждую комиссию от каждой страны войдёт хотя бы один человек. В Терминологическую комиссию от Советского Союза первоначально вошёл Абрам Борисович Шапиро.

Руководство каждой комиссией брала на себя какая-нибудь страна. Терминологической комиссией руководила Чехословакия.

В дальнейшем речь пойдёт только о лингвистических терминах, так как по литературоведческим сведениям не имею.

На заседании Международной терминологической (лингвистической) комиссии в Праге в 1960 г., по инициативе проф. Любомира Андрейчина (Болгария), было задумано создать «Словарь славянской лингвистической терминологии» на всех славянских языках с немецкими, французскими, английскими эквивалентами.

Составление словаря было поручено Чехословацкой терминологической лингвистической комиссии, вот почему в опубликованном словаре на первом месте стоят чешские и словацкие термины.

Исходным материалом для словаря послужил тематически организованный список лингвистических терминов, составленный

словацкими лингвистами в 1952 г. Чешские учёные его значительно дополнили. Макет словаря обсуждался на заседаниях Международной терминологической комиссии в Варшаве (1962), Бауцене (1963) и Любляне (1964).

Работа оказалась грандиозной. К тому же выяснилось, что терминология ономастики, несмотря на то, что она базируется на общелингвистической, совсем не разработана. Поэтому на следующем конгрессе славистов (София, 1963) было решено создать внутри Ономастической комиссии (о которой ещё не шла речь в 1958 г.) Терминологическую подкомиссию славянской ономастики, также под руководством Чехословакии.

Над «Словарём славянской лингвистической терминологии» работал большой авторский коллектив. Словарь вышел в Праге, в двух томах. Т. 1 (1977) включал, как писали составители (1977. С. XV), 2266 понятий-терминов, употребляемых в славистических трудах.

Том 2 (1979) содержал алфавитные указатели терминов первого тома, отдельно на каждом языке, в том же порядке, который был принят в т. 1: чешские, словацкие, польские, лужицкие, русские, украинские, белорусские, болгарские, македонские, сербохорватские (в кириллице), хорватосербские (в латинице), словенские, английские, французские, немецкие.

Ответственным редактором обоих томов был Алоис Едличка (Alois Jedlička), рецензентами — Ян Горецки (Jan Horecký), Олдржих Лешка (Oldřich Leška), Йозеф Вахек (Josef Vachek). Позже Горецки возглавил Комиссию лингвистической терминологии, а Едличка — Комиссию славянских литературных языков (Резюме докладов... С. 5).

Хотя составители говорили о *понятиях-терминах*, в большинстве случаев статьи словаря были простыми перечнями слов из работ славистов, без необходимых дефиниций. На это обратил внимание Александр Александрович Реформатский, которому пришлось редактировать русскую часть словаря, потому что Абрам Борисович Шапиро к тому времени был уже покойным. Из Чехословакии к нему приезжала Власта Стракова, редактор русской части. Реформатский две недели работал с ней, указывая, что в русистике, казалось бы, «те же» термины употребляются иначе. Он снабдил её подробными разработками, но они, к сожалению, в словарь не вошли, так как не отвечали общей установке. Единственное, что вошло в словарь из его материала, это некоторые отсутствующие у западных славян термины с дефинициями, а также немногочисленные примечания, например, *проторечие* — *широкоупотребительные (не диалектные) элементы, не входящие в литературно-языковую норму*.

После выхода в свет словаря Терминологическая комиссия под председательством Я. Горецкого собиралась на очередных конгрессах славистов, но сколько-нибудь заметной работы не проводила. Кстати, в России они называются съездами, а в других странах — конгрессами.

Подкомиссия по славянской ономастике активно работала в 70-е годы. Был составлен «Словарь славянской ономастической терминологии», опубликованный в Праге в 1973 и в Скопье в 1983 гг.

От Советского Союза в работе Терминологической подкомиссии приняли участие Н. В. Подольская и я. Позже, по материалам этого словаря, Н. В. Подольская опубликовала «Словарь русской ономастической терминологии» (М., 1978 и 1988).

В результате образовался дисбаланс в развитии между терминологией, используемой в ономастических исследованиях и в общей лингвистике. В частности, «Словарь славянской лингвистической терминологии» представляет имя *собственное* как имя существительное, противопоставленное имени существительному нарицательному, игнорируя огромные массивы собственных имён, имеющих форму прилагательных и

причастий, а также имена-фразы. Английские эквиваленты имени существительного собственного — *proper noun* и *proper name* даны в этом словаре без всяких пояснений. Возникает вопрос: правомерно ли термин *нарицательное [имя] существительное*? или следует понимать категорию имени шире? Необходима точная дефиниция к термину *апеллятив*.

А. К. Матвеев (2005. С. 6) обращает внимание на разноречивые дефиниции термина *ономастика*: «В наших работах этот термин используется как название науки и как обозначение совокупности имен собственных... Термин *ономастика* — совокупность имен означает то все имена собственные, то только антропонимы».

Наличие в английском языке двух параллельных терминов *name* и *noun* позволяет людям, пишущим на английском языке, их по-разному использовать. Например, Р. Коутс (Coates, 2005) называет семантически неясные имена *proper nouns*, потому что они обычно воспринимаются как существительные, а семантически прозрачные имена-фразы — *proper name-phrases* или *proper name-expressions*. Р. Коутс основной, базовой категорией считает *proper name-expressions*, а названия типа *Uppsala* или *Zadar*, внутренняя форма которых неясна, называет *proper nouns*, считая их каким-то побочным (epiphenomenal) явлением. Он также называет *proper nouns* *прототипичными proper names*, что трудно перевести на славянские языки, исходя из значения английского слова *prototype*. Некоторые уподобляют такие имена ярлыкам (labels).

Р. Хедквист (Hedquist, 2005. С. 174—175), наоборот, использует термины *common name* и *proper name*. Например, *elephant* для него *common name*, потому что у людей формируется образ (Gestalt) слона. Он считает, что подобным же образом формируется образ кого-то или чего-то, называемого с помощью собственного имени (*proper name*). Например, *Alma* — живая, человек, женщина, но полного значения имени не получается, складывается лишь его концепт — *common name*. Определённая известная *Альма* именуется с помощью *proper name*. Ср. энциклопедическое значение имени В. И. Болотова (2003. С. 11). Полагаю, что истоки терминологической неясности вос-

ходят к неточному переводу в Западной Европе исходных латинского и греческого терминов.

Со времени выхода в свет словаря Н. В. Подольской в ономастике сделано много нового. Следовательно, уточнения отдельных терминов и их систем необходимы. Терминологическая работа вновь начата в Чехии (Milan Harvalík) и в Хорватии (Dunja Brozović-Rončević). Но основная идея их работы пока что сводилась к передаче славянских ономастических терминов средствами английского языка. Изложенные выше факты показывают, что необходимо упорядочение терминов, употребляющихся в английском языке и в других языках Западной Европы. А известные на Западе термины надо сделать понятными для славян.

Развитие ономастики за пределами Европы и параллельное функционирование терминов, составленных на греко-латинской и на национальных основах, а также вовлечение в ономастические исследования новых типов собственных имён требуют пересмотра и уточнения ономастических систем с использованием опыта ведущих специалистов всех стран, где изучают имена.

Литература

Болотов В. И. Теория имён собственных: К проблеме определённости / неопределённости именования денотатов в речи. Ташкент, 2003.

Матвеев А. К. Ономастика и ономастология // Вопросы ономастики. 2005. № 2.

IV Международный съезд славистов: Отчёт. М., 1960.

Основная система и терминология славянской ономастики. Скопье, 1983.

Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978; 2-е изд. М.: Наука, 1988.

Резюме докладов и письменных сообщений XI Международного съезда славистов. Киев, 1983.

Словарь славянской лингвистической терминологии. Прага, 1977. Т. 1; 1979. Т. 2.

Coates R. A new theory of properhood // Proceedings of the 21-th International Congress of Onomastic Sciences, Uppsala, 19—24 August 2002. Uppsala, 2005. V. 1.

Hedquist R. The meaning of proper names // Там же.

Základní soustava a terminologie slovanské onomastiky // Zpravodaj Mistopisné komise ČSAV. 1973. R. XIV. Č. 1.

Российская школа терминоведения: от традиций стандартизации к амбисемантической парадигме (1994—2006 гг.)

Виктор Андреевич Татаринов,
Председатель
Комиссии по терминоведению
(СлавТерм)
Международного комитета
славистов,
Президент
Российского терминологического
общества (РоссТерм),
доктор филологических наук,
slavterm@mail.ru

Формирование Российской школы терминоведения проходило на очень хорошей научной и организационной базе. Имелись все необходимые теоретические издания: «Введение в терминоведение», «Основы терминоведения», «Общая терминология», «Теория терминоведения», «Терминоведение: предмет, методы, структура», «Общая теория термина», «История отечественного терминоведения», «Указатель работ, опубликованных отечественными терминологами в XX веке», проводились ежегодные международные конференции «Терминологические чтения РоссТерм'а», издавались теоретические журналы по терминоведению «Терминоведение» и «Терминологический вестник»¹.

Значительные изменения произошли и в осознании аспектов изучения терминов, начиная с уточнения самого понятия «аспект исследования». В терминоведении термин «аспект» понимается как совокупность различных подходов и взглядов, лежащих в

основе анализа основного объекта терминоведения — термина. Термин «аспекты терминологических исследований» близок таким понятиям, как направления, отрасли и методы терминоведения. При этом необходимо иметь в виду, что зачастую указанные термины применяются как перформативные единицы, а их недифференцированное употребление ведет к образованию синонимических рядов типа *когнитивный подход — когнитивный метод — когнитивное терминоведение — когнитивные аспекты термина (терминоведения)*. Исторически об аспектах изучения термина целесообразно говорить, начиная с 1972 г., когда произошла институционализация терминоведения как самостоятельной научной дисциплины. Первой попыткой систематизации аспектов терминологических исследований в таком понимании была кандидатская диссертация В. А. Татаринова².

В настоящее время термин изучается в следующих аспектах: теория термина, лингвистические аспекты, психолингвистические аспекты, социолингвистические аспекты, филологические аспекты, функционально-стилистические аспекты, дискурсивные аспекты, диахронические аспекты, функциональные аспекты, философские аспекты, семиотические аспекты, логические аспекты, гносеологические аспекты, системные аспекты, дидактические аспекты, информационные аспекты, прагматические аспекты, перевод-

ческие аспекты. Естественно, объектом изучения термин является также в сферах исследования терминов, относимых в настоящее время к отраслям терминоведения: когнитивное терминоведение, отраслевое терминоведение, историческое терминоведение и др.

На международной конференции «Терминологические чтения РоссТерм'а. 4» (1997 г.). Выступает терминолог из Японии Синсукэ Мияно

Для обзора избраны только несколько аспектов, причем в каждом аспекте результирующая актуальность проблем, их дифференциация и ограничение от смежных проблем изложены, по возможности, на актуальном историческом фоне. Полная картина аспектов и отраслей терминоведения представлена в энциклопедическом словаре по терминоведению³.

1. *Теория термина* как терминологический аспект интересовала ученых с момента обращения исследователей к сущности термин-

¹ Супранская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. *Общая терминология: Вопросы теории*. М., 1989; *Они же*. *Общая терминология: Терминологическая деятельность*. М., 1993; Мельников Г. П. *Основы терминоведения*. М., 1991; Гринев С. В. *Введение в терминоведение*. М., 1993; Татаринов В. А. *Теория терминоведения*. Т. 1. *Теория термина: История и современное состояние*. М., 1996; Татаринов В. А. *История отечественного терминоведения: В 3 т.* М., 1994—2003; Татаринов В. А. *Терминоведение: Указатель работ, опубликованных отечественными терминологами в XX веке*. М., 1998; Авербух К. Я. *Общая теория термина*. Иваново, 2004; Лейчик В. М. *Терминоведение: Предмет, методы, структура*. М., 2006.

² Татаринов В. А. *Лексико-семантическое варьирование терминологических единиц и проблемы терминографии: Дис. ... канд. филол. наук*. М., 1987.

³ См.: Татаринов В. А. *Общее терминоведение: Энциклопедический словарь*. М., 2006.

на. История становления данного аспекта изложена в хрестоматии В. А. Татарина 1994—2003 гг. В настоящее время продолжается поиск новых теоретических подходов, чтобы глубже проникнуть в терминологическую сущность специальной лексики.

Исследуется, напр., категория терминологичности как ингерентного свойства термина. С. П. Хижняк⁴ на материале юридической терминологии приходит к выводу, что само свойство терминологичности в разные периоды формирования терминологии проявляется по-разному, равно как и разные терминологические единицы имеют различную степень терминологизации. Одним из признаков терминологичности является осложненность терминологизируемого слова классификационными семантиками, которые существуют исключительно в определенных терминологических полях. Формирование свойства терминологичности идет параллельно с обобщением и дифференциацией специальных понятий. Манифестацией терминологичности является контекст (в противоположность мнению о независимости термина от контекста).

С. Д. Шелов предпринимает попытку терминометрических процедур по отношению к свойству терминологичности⁵.

Определенный вклад в изучение семантического статуса термина в русском языке внесло категориальное исследование неоднозначности термина. В результате были обоснованы семантические понятия амбисемии и эврисемии термина.

Определению научно-исследовательского статуса термина посвящена статья Л. М. Алексеевой⁶.

Автор, вслед за В. В. Виноградовым, относит термин к объекту общего языкознания, но оценивает его в концептуальном и функциональном аспектах.

Онтологический статус термина в современном языке с общетеоретических позиций рассмотр-

⁴ Хижняк С. П. Формирование и развитие терминологичности в языковой системе: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1998.

⁵ Шелов С. Д. Термин. Терминологичность. Терминологические определения. СПб., 2003.

⁶ Алексеева Л. М. Термин как категория общего языкознания // РФВ. 1998. № 1/2.

рен в книгах А. Х. Султанова и К. Я. Авербуха⁷. А. Х. Султанов попытался объяснить причины многозначности терминологии, рассмотрел процессы взаимодействия понятия и смысла, наметил пути взаимодействия термина и слова, о которых речь шла в философских парадигмах Хайдеггера, Гадамера, Флоренского, С. Булгакова и А. Ф. Лосева.

Объектом терминоведения, по мнению К. Я. Авербуха, являются термины как основной лексический массив языков для специальных целей.

В. А. Татарин⁸ в противоположность К. Я. Авербуху говорит о феноменологической сущности термина. На примере научного наследия Д. С. Лотте в статье показано, как Д. С. Лотте приходил к самым надежным результатам только в том случае, если он рассматривал термин не как идеальную сущность, а как феноменальное явление мыслительной деятельности человека.

2. *Терминообразование (терминологическая номинация, ономазиологическое терминоведение)* — один из лингвистических аспектов термина, который в настоящее время имеет весьма разветвленную полиаспектность. Такую полиаспектность терминологической номинации находим в книгах М. Н. Володиной.

В 1993 г. опубликована первая монография М. Н. Володиной «Национальное и интернациональное в процессе терминологической номинации»⁹. В книге рассмотрены специфика и способы терминологической номинации, вопросы интернационализации научно-технической терминологии и ее связь с национальной спецификой термина, а также некоторые аспекты метафоры в терминологии.

Вторая книга М. Н. Володиной посвящена термину как носителю специальной информации¹⁰.

⁷ Авербух К. Я. Общая теория термина. Иваново, 2004; Султанов А. Х. О природе научного термина. Проблема философии языка. М., 1996; Он же. Слово и термин: Прологомены к философии имени. М., 2007.

⁸ Татарин В. А. Феноменология термина // РФВ. 1998. № 1/2.

⁹ Володина М. Н. Национальное и интернациональное в процессе терминологической номинации. М., 1993.

¹⁰ Володина М. Н. Термин как средство специальной информации. М., 1996.

Обобщающей работой по проблемам терминологической номинации является третья книга М. Н. Володиной «Теория терминологической номинации»¹¹. В книге представлена подробная аспектация терминологической проблематики в современном терминоведении, освещены принципы, аспекты и способы терминологической номинации.

В книге «Когнитивно-информационная природа термина» М. Н. Володина освещает роль термина в информационно-коммуникационных процессах познания и его культурологическую специфику¹².

Книга В. Н. Прохоровой посвящена семантическому способу терминообразования в русском языке¹³. В книге определены границы лексико-семантического терминообразования, установлены особенности семантического образования в терминологии сравнительно с общелитературным языком, намечены закономерности тропических переносов, вычленены ЛСГ, подвергающиеся терминологизации, описаны пути взаимодействия семантического терминообразования с другими терминообразовательными процессами и условия, при которых язык прибегает к семантическому типу терминообразования.

В некоторых работах в последнее время рассмотрены логосические аспекты терминологической деривации и ее метаязыковая аспектuality¹⁴, функциональная нагруженность терминомоделей в тексте¹⁵.

¹¹ Володина М. Н. Теория терминологической номинации. М., 1997.

¹² Володина М. Н. Когнитивно-информационная природа термина. М., 2000.

¹³ Прохорова В. Н. Русская терминология (лексико-семантическое образование). М., 1996.

¹⁴ Буянова Л. Ю. Терминологическая деривация в современном русском языке. Краснодар, 1996. Буянова Л. Ю. Терминологическая деривация: метаязыковая аспектuality (на материале современного русского языка): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 1996; Буянова Л. Ю. Термин как единица логоса. Краснодар, 2002.

¹⁵ Алексеева Л. М. Проблемы термина и терминообразования. Пермь, 1998; Она же. Метафорическое терминопорождение и функции терминов в тексте: Автореф. дис. ... д-ра филол.

3. *Филологические, функционально-стилистические и стилистические аспекты термина* — аспекты изучения терминов, которые можно охарактеризовать как общефилологические и традиционные, но все более уходящие в историю. Место терминологической лексики в системе современного русского языка рассмотрено Н. А. Буре¹⁶, К. Я. Авербух и Л. А. Манерко¹⁷ предлагают определять статус термина, исходя из понимания его как функциональной единицы языка для специальных целей.

Продолжается давняя традиция рассматривать термин как объект культуры речи. В этом аспекте внимание привлекают работы В. П. Даниленко, В. П. Даниленко, Н. В. Новиковой и Е. В. Карпинской¹⁸. С большей результативностью изучается функционирование термина в художественной литературе, если его рассматривать на общем фоне функциональных проблем, как это сделано в работе Г. А. Абрамовой¹⁹.

4. *Диахроническое и историческое терминоведение* — отрасли терминоведения, в которых наиболее активно происходят понятийно-терминологические изменения в метаязыке и в подходах к исследованию терминологических фактов языка.

Исследователей по-прежнему привлекают эволютивные процессы в терминологической лексике. А. Н. Соколов описал зависимость значения терминов от развития идеологических систем и воздействие этих процессов на формирование значений сопредельных терминов²⁰. Мелиоратив-

наук. М., 1999; Абрамова Г. А. Медицинская лексика: Основные свойства и тенденции развития (на материале русского языка). М.; Краснодар, 2003.

¹⁶ Основы научной речи. М.; СПб. 2003.

¹⁷ См.: Авербух К. Я. Указ. соч.; Манерко Л. А. Язык современной техники: Ядро и периферия. Рязань, 2000.

¹⁸ Культура русской речи. М., 2000; Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996. Названными авторами написаны отдельные разделы в указанных учебниках.

¹⁹ См.: Абрамова Г. А. Указ. соч.

²⁰ Соколов А. Н. Дискурс социального устройства в русском языке второй половины XIX века. Становление и динамика словесно-понятийной группы социализм — коммунизм: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2002.

ные и пейоративные тенденции в движении семантики идеологически нагруженных терминов могут приводить в ряде случаев к возникновению энантиосемии термина. Б. Н. Рахимбердиев при исследовании динамики значения терминов применил, в частности, методы корпусной лингвистики²¹. С помощью этих методов появилась возможность говорить не только о тривиальной полисемии, но и о диахронической синонимии терминов.

Для изучения внутритерминоведческих диахронических процессов значительную ценность имеет «Исторический систематизированный словарь терминов терминоведения» С. В. Гринева²². В словаре зафиксированы применяемые в настоящее время термины русского терминоведения с указанием на время и автора их первого употребления в литературе.

Обобщение и систематизация материала по историческому терминоведению проведены в книгах О. В. Борхвальдт (Фельде). В книге «Русская терминография в историческом аспекте»²³ представлена попытка преодолеть наметившийся разрыв между теорией и практикой историко-терминологической работы.

В книге «Лексика русской золотопромышленности в историческом освещении»²⁴ О. В. Борхвальдт проводит дифференциацию таких понятий, как диахроническое терминоведение и историческое терминоведение, причем диахроническое изучение термина определяется как аспект терминологических исследований.

В книге «Историческое терминоведение русского языка»²⁵ О. В. Борхвальдт пишет: «Основным социальным фактором выделения подязыков в качестве осо-

²¹ Рахимбердиев В. Н. Эволюция семантики экономической терминологии русского языка в XX веке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003.

²² Гринева С. В. Исторический систематизированный словарь терминов терминоведения. М., 1998.

²³ Борхвальдт О. В. Русская терминография в историческом аспекте. Красноярск, 1998.

²⁴ Борхвальдт О. В. Лексика золотопромышленности в историческом освещении. Красноярск, 2000.

²⁵ Борхвальдт О. В. Историческое терминоведение русского языка. Красноярск, 2000.

бой формы существования языка было профессиональное членение общества». Характерной чертой подязыка является его динамика и избыточность языковых средств.

В книге «Историческое терминоведение в теории и практике»²⁶ О. В. Фельде (Борхвальдт) предприняла попытку дальнейшего развития заявленных ранее проблем исторического терминоведения. Среди центральных проблем исторического терминоведения стоят проблемы хронологического плана, распределения специальной лексики на оси времени, и в частности выделение начальных этапов формирования терминологий и изучение динамики их развития, процессов специализации, создание таких конструктов, как лингво-хронологический срез для какого-либо этапа развития специальной лексики, выявление в ее составе генетически различающихся пластов, этимология специальных слов и др.

5. *Типологическое терминоведение*. Из работ данного направления остановимся на книге С. Г. Казариной²⁷. В монографии обосновывается понятийно-терминологический аппарат типологического терминоведения как самостоятельной лингвистической дисциплины, а не как отрасли науки о термине. Автор предпринимает попытку описать систему филиационных процессов в языкознании с учетом сохранения предмета языкознания. Отсюда филиационный ряд дисциплин лингвистика — терминоведение — типологическое терминоведение базируется на одном научном предмете — проблеме «язык и мышление».

6. В *отраслевом терминоведении* существуют два направления в подходе к термину: 1) изучение отраслевой терминологии как основного компонента профессионально-отраслевого языка и 2) с точки зрения места отраслевых терминов в структуре общелитературного языка. Основное внимание исследователи сосредоточивают на особенностях терминовнеологизмов. Так, Л. В. Ивина²⁸

²⁶ Фельде (Борхвальдт) О. В. Историческое терминоведение в теории и практике. Красноярск, 2001.

²⁷ Казарина С. Г. Типологические характеристики отраслевых терминологий. Краснодар, 1998.

²⁸ Ивина Л. В. Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминов систем. М., 2003.

подошла к изучению терминосистем с лингво-когнитивной точки зрения, Л. С. Рудинская²⁹ определила современные тенденции развития гематологической терминологии, Е. А. Коновалова³⁰ установила парадигматические отношения в современной русской экономической терминологии, Н. М. Карпухина³¹ предприняла попытку установить место профессионально терминованной экономической лексики в составе терминосистемы экономики (термины типа *быки*, *медведи*, *бэквардэйшн*), М. В. Китайгородская³² подвергла тщательному анализу современные сферы функционирования экономической лексики в русском языке, обращая внимание на проблемы прагматики и деидеологизации терминологии. И. С. Куликова и Д. В. Салмина³³ описали лингвистическую терминологию в аспекте металингвистики. В качестве удачного исследования внутриотраслевых, а также межотраслевых терминологических лексико-семантических групп можно назвать цитированную работу С. Г. Казариной, а также работы З. И. Комаровой и В. Г. Кульпиной по обособленным группам лексики³⁴.

7. *Когнитивное терминоведение*. Центральной работой в об-

²⁹ Рудинская Л. С. Современные тенденции развития гематологической терминологии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1997.

³⁰ Коновалова Е. А. Деривационный потенциал и парадигматические отношения современной русской экономической терминологии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1998.

³¹ Карпухина Н. М. Лексико-семантические процессы в русской терминологии товарно-денежного обращения: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2007; Карпухина Н. М. Профессионально терминованные наименования экономической сферы деятельности. М., 2007.

³² Китайгородская М. В. Современная экономическая терминология (Состав. Устройство. Функционирование) // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). М., 1996.

³³ Куликова И. С., Салмина Д. В. Введение в металингвистику. СПб., 2002.

³⁴ Комарова З. И. Пересекаемость лексико-семантических групп глаголов в терминологиях // Русская глагольная лексика: Пересекаемость парадигм. Екатеринбург, 1997; Кульпина В. Г. Лингвистика цвета: Термины цвета в польском и русском языках. М., 2001.

ласти когнитивного терминоведения на сегодняшний день является монография Л. М. Алексеевой «Термин и метафора»³⁵.

Книга посвящена исследованию процессов порождения терминологических единиц в аспекте динамического анализа языкового знака. Актуальность исследования обусловлена, с одной стороны, возросшей ролью терминологии в жизни современного общества с его сложной информационной структурой, с другой — потребностями теории терминоведения в новом осмыслении таких устойчивых проблем, как статика и динамика термина, «естественность» и «искусственность» в термине, зависимость и независимость термина от контекста и ряд других проблем. В то же время именно широкое рассмотрение данного комплекса проблем помогает выявить природу и статус термина как феномена речемыслительной деятельности.

Когнитивность термина рассматривается и под другим углом зрения. Так, Н. С. Шарафутдинова избрала в качестве объекта своего исследования когнитивно-понятийную категорию субстанциальности³⁶, З. Р. Палютина увязала когнитивные характеристики термина с синергетически-цивилизационными и антропоцентрическими факторами в развитии языка³⁷.

Автор высказывает положение, что «сложный путь развития языка в русле всего цивилизационного развития человечества может быть понят и объяснен лишь с позиций цивилизационного подхода» (С. 234). Цивилизационная лингвистика базируется на общей теории цивилизаций и теории языка. Ею используется целый ряд специальных методов, обладающих самостоятельной научно-теоретической значимостью, перенятых из других отраслей. Цивилизационная лингвистика исходит из антропоцентризма, нацелена

³⁵ Алексеева Л. М. Термин и метафора. Пермь, 1998.

³⁶ Шарафутдинова Н. С. Формирование отраслевой терминологии на базе логико-семантической категории субстанциальности: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 1999; Она же. Лингвокогнитивные основы научно-технической терминологии. Ульяновск, 2006.

³⁷ Палютина З. Р. Цивилизационная лингвистика. Уфа, 2005.

на на решение проблем языковой личности.

На примере медицинской терминологии в книге установлены корреляции истории медицинской науки и истории цивилизаций, а контрастивный анализ позволил раскрыть международный характер медицинской терминологии. В целом же книга показала, что отечественное терминоведение вступило в этап методологического плюрализма и что намечавшийся застой в теоретическом терминоведении окончательно преодолен.

8. *Дискурсивные аспекты термина* изучаются в настоящее время также с когнитивной точки зрения. Л. М. Алексеева и С. Л. Мишланова определили роль термина в дискурсе в рамках концепции когнитивного терминоведения, описали модель терминологизации в дискурсе, установили полипарадигмальный характер термина в медицинском дискурсе³⁸. С. Л. Мишланова обратила внимание на когнитивно-дискурсивную природу терминологической метафоры, описала эволюцию и зависимость метафорических моделей от типологии дискурсов, предложила интегративную модель метафоры³⁹.

Подробный комментарий упомянутых в обзоре работ и дополнительную информацию об уровне развития научных исследований в области терминологической лексики и теоретических основ отечественного терминоведения можно получить и из некоторых других работ⁴⁰.

³⁸ Алексеева Л. М., Мишланова С. Л. Медицинский дискурс: Теоретические основы и принципы анализа. Пермь, 2002.

³⁹ Мишланова С. Л. Метафора в медицинском дискурсе. Пермь, 2002.

⁴⁰ См., напр.: Татарин В. А. Методология научного перевода: К основам теории конвертации. М., 2007; Актуальные проблемы российского языкознания: 1992—1996 гг. М., 1997; Лексикология. Терминоведение. Стилистика. М.; Рязань, 2003; Марчук Ю. Н. Компьютерная лингвистика. М., 2007; Russian Terminology Science (1992—2002). Vienna, 2004; Słupskie prace humanistyczne. Słupsk, 1999. Nr 18a.

Современное терминоведение украинского языка

**Владимир Владимирович
Дубичинский,**
профессор НТУ «ХПИ»,
член Комиссии по терминоведению
Международного комитета
славистов,
Председатель Харьковского
лексикографического
общества, доктор филологических
наук, vovodu@bk.ru

Современный этап развития украинского терминоведения (с начала 90-х гг. XX в.) характеризуется заметной активизацией терминологической деятельности в связи с установлением независимости Украины; этап, озаглавленный так называемым «терминологическим взрывом».

Ученые работают над упорядочением терминологии разнообразных сфер знаний и человеческой деятельности: библиотечно-библиографическая терминология (М. Сташко и др.), биологическая (Л. Симоненко и др.), строительная (В. Марченко и др.), военная (Л. Мурашко и др.), геологическая (М. Годована и др.), гидро-мелиоративная (Л. Малевич и др.), общественного питания (С. Руденко и др.), дипломатическая (Н. Полищук и др.), печатного дела (Э. Огар и др.), машиностроительная (О. Литвин и др.), медицинская (Н. Миснык, И. Корнейко, О. Петрова и др.), судебной медицины (Т. Лепеха и др.), метеорологическая (В. Нагина и др.), педагогическая (Т. Бевз, М. Разумейко и др.), экономическая (О. Дрозд, В. Дубичинский и др.), рыночных отношений (О. Покровская и др.), психологическая (Л. Веклинец и др.), физическая (В. Пилецкий, И. Процик и др.), а также мн. др.

Продолжается практика предыдущих лет, в русле которой переиздаются некоторые терминологические словари конца 50-х — начала 60-х годов, возникает новая тенденция к возвращению традиций украинского терминоведения конца XIX века — первой трети XX века (усиленное внимание к народной лексике, отказ от многих иностранных слов) и орфографических норм 1928 года. Ярко выражена тяга к очищению украинского языка от несвойственных ему элементов и к обнов-

лению его исконных черт.

В конце XX в. Институт языкознания и Институт украинского языка НАН Украины подготовили терминографическое академическое издание «Російсько-український словник наукової термінології» в 3 книгах (около 320 000 терминов), первая из которых — «Російсько-український словник наукової термінології. Суспільні науки» (до 100 000 терминов) вышла в 1994 г., вторая — «Російсько-український словник наукової термінології. Біологія. Хімія. Медицина» (около 100 000 терминов) — в 1996 г., третья — «Російсько-український словник наукової термінології. Математика. Фізика. Техніка. Науки про Землю та Космос» (около 120 000 терминов) — в 1998 г.

Современный этап развития украинского терминоведения характеризуется по меньшей мере пятью подходами решения проблем упорядочения научно-технической терминологии:

1. Формальный, количественный — издать как можно скорее и больше терминологических и терминографических приведений, не обращая внимания на их качество.

2. Этнографический — собрать и вернуть почти все термины, предложенные в свое время Научным обществом им. Шевченко (Наукове товариство Шевченка — НТШ) и Институтом украинского научного языка (ИУНЯ).

3. Консервативный — собрать украинскую научно-техническую терминологию в таком виде, какой она приобрела в годы советской власти (так называемый «принцип реального языка»).

4. Интернациональный — ввести в терминологию большое количество иностранных заимствований из европейских языков, прежде всего, из английского.

5. Умеренный — при упорядочении научно-технической терминологии учесть все основные исторические, национальные, политические факторы и выработать ее оптимальный вариант [4].

Совершенно новый мощный импульс приобрела и такая необходимая область терминологической деятельности, как стандартизация терминологии. С первых же лет независимости Украины над созданием терминологических стандартов работали научные коллективы многих вузов и НИИ.

В 1992 г. совместным приказом Министерства науки и образования, а также Госстандарта Украины на базе Львовского политехнического института создан Технический комитет стандартизации научно-технической терминологии (ТК СНТТ). Сегодня базовыми организациями ТК СНТТ также являются Киевская политехника, Институт украинского языка НАНУ и Украинский НИИ стандартизации, сертификации и информатики. Уже к 1996 г. в Украине было разработано более 600 стандартов на термины, и количество их растет с каждым годом.

В настоящее время, помимо активно действующего ТК СНТТ (Львов), широко известна научная, нормотворческая и организационная деятельность Комитета научно-технической терминологии Института украинского языка Национальной академии наук Украины — КНТГ ИУЯ НАНУ (Киев). Ежегодно с 1992 г. во Львове (по четным годам) и в Киеве (по нечетным) проходят международные научно-практические конференции, посвященные вопросам украинской терминологии, издаются сборники научных трудов: «Проблеми української термінології» (Львов, 1992, 1994, 1996, 1998, 2000, 2002, 2004, 2006, 2008 / Под ред. Б. Рыцаря, Л. Полюги и

др.) и «Українська термінологія і сучасність» (Киев, 1993, 1995, 1997, 1999, 2001, 2003, 2005, 2007 / Под ред. Л. Симоненко, О. Тараненко и др.).

Терминоведческая проблематика широко обсуждается на страницах периодического издания Института украинского языка НАН Украины «Лексикографического бюллетеня», который основан в 1959 г. и возобновлен в 2004 г. (выпуском 10); последний выпуск 18 вышел в 2008 г.

В Харькове сегодня активно работает Терминологический центр НИИАСУтрансгаз под руководством акад., д-ра техн. наук М. Д. Гинзбурга. За последние годы Терминологический центр, составляя трехязычные толковые словари для своей отрасли, создал Единую терминологическую базу данных (ЕТБД), которая включает около 26 000 украинских терминов, их русские и английские эквиваленты, толкования на украинском и русском языках. ЕТБД представляет собой основу лингвистического обеспечения Интегрированной автоматизированной системы управления газотранспортной отрасли.

Было обработано около 2000 литературных источников, прежде всего, законодательные и нормативные акты, стандарты и словари Международной организации по стандартизации (ISO) и Международной электротехнической комиссии (IEC), государственные стандарты Украины (ДСТУ), межгосударственные стандарты (ГОСТ), энциклопедические издания, толковые и переводные словари, труды по терминоведению и лексикографии, справочники и учебники соответствующих отраслей знаний, статьи в научных изданиях, материалы научно-технических конференций и т. п.

Терминологическим центром НИИАСУтрансгаз в творческом сотрудничестве с Институтом украинского языка НАН Украины (Киев) и Техническим комитетом стандартизации научно-технической терминологии (Львов) создана основа единой достаточно полной и согласованной отраслевой терминосистемы, которая базируется на терминосистемах соответствующих отраслей науки и техни-

ки, стандартизированных на государственном уровне, и дополнена терминами и определениями, отражающими специфику отрасли.

Терминологические наработки активно внедряются в процесс создания современной отраслевой нормативной базы путем, во-первых, обеспечения разработчиков бумажными и электронными версиями составленных словарей, а также соответствующими методическими материалами (пособиями, консультациями и др.), а во-вторых, путем проведения терминологической экспертизы документов перед подачей их на утверждение.

В 2000 г. на страницах специализированного журнала «Нафтова і газова промисловість» Терминологическим центром была открыта рубрика «Консультационный пункт по вопросам украинской терминологии». Сегодня терминологические советы по различным областям науки и техники предлагаются уже в семи специализированных изданиях, в том числе, в «Стандартизація, сертифікація, якість», «Фізико-хімічна механіка матеріалів», «Харчова і переробна промисловість» и др.

Вслед за принятой в Украине концепции гуманизации и гуманитаризации высшего образования назрела необходимость в создании определенных условий для всесторонней лингвистической подготовки специалистов. Современный интеллигент с высшим образованием независимо от специальности должен иметь «чувство» языка, нацеленность на самоусовершенствование, внутреннюю тягу к контактности с людьми своего окружения. Одной из главных сторон лингвистической компетенции специалистов различных областей знаний является терминологическая подготовка. Овладеть профессией, не зная основных положений науки о языковых закономерностях соответствующей специальности, невозможно.

Владение терминологией своей специальности предполагает приобретение соответствующих умений и навыков: вести устную беседу, а также составлять письменные сообщения по профессиональным вопросам научно-технического характера; читать оригиналь-

ную литературу по специальности, обрабатывать и переводить ее на другие языки; оформлять взятую из иностранных источников информацию в виде реферата, научного доклада, письменного/устного перевода, аннотации и т. п.; овладеть основами терминоведения как науки, которая объединяет все области человеческой деятельности; овладеть нормами делового общения (будущий специалист с высшим образованием, как правило, становится лидером, руководителем различных производственных коллективов).

Базовыми направлениями терминологической подготовки считаются: а) преподавание основ лингвистических знаний и терминоведения, принципов научного стиля речи; б) обучение основам прикладной и математической лингвистики, создание лингвистических (терминологических) банков данных, электронных словарей и систем машинного перевода; в) овладение этикой делового и профессионального общения, деловыми бумагами (документами по специальности), психолингвистикой, риторикой.

Терминологическая подготовка должна осуществляться лингвистами в общении и в постоянном взаимодействии со специалистами узкоспециальных кафедр высших учебных заведений, необходимость чего подтверждается принципиальной основой терминоведения как науки, которая родилась на стыке лингвистики и специальных областей знаний.

Лингвистическим требованиям профессиональной подготовки специалистов сегодня отвечает учебная дисциплина «Украинский язык профессионального направления», которая предложена сегодня Министерством науки и образования Украины студентам всех специальностей различных высших учебных заведений.

Основной целью этого курса является формирование терминологической культуры научной и технической интеллигенции путем ознакомления: с закономерностями образования и функционирования терминов и терминосистем; с процессами терминологизации, транстерминологизации и детерминологизации лексиче-

ских единиц; с понятиями терминоидов, профессионализмов и номенклатурных наименований; с терминами полностью мотивированными, частично мотивированными и немотивированными; с различными словообразовательными типами терминов (корневые, производные, сложные термины, терминологические словосочетания, термины-аббревиатуры, термины-символослова, термины-модельслова); с основами научно-технического перевода и переводческими трансформациями; с терминографией, принципами составления терминологических словарей и т. д.

Каждый специалист должен быть оснащен знаниями терминоведческого характера для более глубокого понимания своей профессии и создания на этой основе необходимых нормоведческих и стандартизационных документов соответствующей области знаний.

В контексте новых информационных технологий обязательным в терминологическом образовании будущих украинских специалистов считается создание в каждом высшем учебном заведении (в каждом городе) компьютерной сети машинного терминологического фонда, который предполагает наличие основных терминологических баз данных на основе переводных, толковых, специальных и других электронных словарей. Машинный терминологический фонд не только может стать фундаментом для производственных и образовательных целей, но и для библиографических нужд создания тезаурусного типа рубрикаторов, классификаторов и т. п.

Разработанные в Украине системы машинного перевода русско-украинско-русского (например, РУМП, РУТА-Плай), английско-украинско-английского (например, PARS/U), немецко-украинско-немецкого (например, PARS/U/D) и др., как правило, содержат большой корпус терминологических переводческих словарей, которые можно подключать к системе по несколько одновременно или последовательно (исходя из схемы приоритетов).

Создаваемый в Институте украинского языка им. А. А. Потемки НАН Украины Национальный корпус украинского языка вклю-

чает уже сегодня тексты на сотни тысяч терминологических словоупотреблений по бизнесу, медицине, технике, культуре и искусству, религии, рекламе и мн. др.

В Национальном техническом университете «Харьковский политехнический институт» (НТУ «ХПИ») уже семь лет для студентов всех специальностей преподается полугодичный курс «Основы лингвистической и терминологической подготовки специалиста», базирующийся на указанных выше принципах и целях подготовки будущих инженеров.

В НТУ «ХПИ» постоянно пополняется библиография украинских терминологических словарей. Сегодня уже издана библиография 1990—2003 гг. [1]. В этом контексте следует также упомянуть еще два библиографических указателя терминологических словарей украинского языка, созданных во Львове [2, 3].

В рамках задачи терминологической подготовки специалистов различных областей знаний учеными НТУ «ХПИ» и членами Харьковского лексикографического общества разработан новый перспективный проект «Автоматизированное рабочее место терминолога» (АРМТ).

Этот проект на основе некоей универсальной совокупности баз данных стандартизирует и унифицирует определенные терминосистемы, совершенствует терминографический процесс, направляет терминологическую деятельность в единое русло интернационализации терминосистем и электронно-словарных комплексов. АРМТ ставит своей целью разработать комплекс компьютерных программ автоматической обработки текстов по соответствующей специальности, осуществлять сортировку, морфологический, синтаксический анализ, правку орфографических, грамматических, синтаксических и других ошибок.

Овладение основами терминоведения как науки, которая зиждется на теоретических положениях лингвистики и соответствующих научно-технических областей человеческого знания, на наш взгляд, будет принципиально действовать формированию терминологической компетенции будущих высококвалифицированных

специалистов различного профиля, необходимых народному хозяйству каждого государства, и, в конце концов, повлечет за собой повышение уровня профессиональной ауры будущей интеллигенции Украины.

Литература

1. Дубичинский В. В. Українська лексикографія: Історія, сучасність та комп'ютерні технології. Навчальний посібник. Харків, 2004.
2. Комова М. Українська термінографія 1948—2002: Бібліограф. покажчик. Львів, 2003.
3. Кульчицька Т. Українська лексикографія: Бібліограф. покажчик. Львів, 1999.
4. Наконечна Г. Українська науково-технічна термінологія: історія і сьогодення. Львів, 1999.

Учебники и учебные пособия по терминоведению украинского языка

- Бондаренко В. В., Дубичинский В. В., Кухаренко В. М. та інші. Науково-технічний переклад (українсько-російська мова). Дистанційний курс: Навчальний посібник. Харків, 2000.
- Д'яков А. С., Кияк Т. Р., Куделько З. Б. Основи термінотворення. К., 2000.
- Михайлова О. Г., Сидоренко А. А., Сухопар В. Ф. Українська наукова термінологія. Навчальний посібник. Харків, 2002.
- Дубичинський В. В., Кривець О. М. Лінгвістичні аспекти стандартизації української термінології. Методичні вказівки. Харків, 2003.
- Прикладне термінознавство. Навчальний посібник / За ред. В. В. Дубичинського, Л. А. Васенко. Харків, 2003.
- Українська ділова мова. Практичний посібник на щодень / За ред. М. Д. Гінзбурга. Харків, 2003.
- Бондарець О. В., Терещенко Л. Я., Дубичинський В. В., Павлова Г. Д. Основи українського термінознавства та перекладу науково-технічної літератури. Харків, 2006.
- Бондарець О. В., Терещенко Л. Я., Булавін В. І. та інші. Хімічне термінознавство. Харків, 2006.
- Онуфрієнко Г. С. Науковий стиль української мови. К., 2006.
- Українська ділова та фахова мова. Практичний посібник на щодень / За ред. М. Д. Гінзбурга. 2-е вид., випр. та доп. К., 2007.
- Васенко Л. А., Дубичинський В. В., Кривець О. М. Фахова українська мова. К., 2008.

Терминологические исследования в Беларуси

Антонюк Марина Георгиевна,
доцент кафедры государственного управления
социальной сферой и белорусоведения
Академии управления
при Президенте Республики Беларусь,
кандидат филологических наук,
ant_marina@tut.by

Гвоздович Галина Александровна,
доцент кафедры стилистики и литературного
редактирования Института журналистики
Белорусского государственного университета,
кандидат филологических наук,
hvazdovich@mail.ru

В 1921 г. в Беларуси была образована Научно-терминологическая комиссия (1921—1930 гг.), которая подготовила и опубликовала 24 словаря терминов различных областей знания. Максимальное использование средств национального языка являлось основным принципом, которым руководствовались члены комиссии при разработке белорусской научной терминологии. Он не утратил своей актуальности и в настоящее время.

Определённую роль в нормировании белорусской терминосистемы сыграла реформа белорусского правописания 1933 года. В связи с этим появилась необходимость создания учебных пособий, в которых были бы в какой-то мере нормализованы и систематизированы термины. Специалисты неоднозначно оценивают последствия этой реформы для совершенствования белорусского языка и его системы терминов.

В первое послевоенное десятилетие отсутствие терминологического центра привело к распылению системности терминологии и вариативности терминов. В связи с этим возникла потребность в возобновлении терминологической работы в республике. В 1955 году в Институте языкознания АН БССР основан сектор терминологии. Его сотрудниками за десятилетний период подготовлены и опубликованы терминологические словари, в основу создания которых был положен принцип сближения белорусской терминологии с русской.

Значительную роль в разработке белорусской системы терминов в 1960—1970 гг. сыграла подготов-

ка Белорусской советской энциклопедии. При Главной редакции БелСЭ была сформирована Комиссия по изучению научно-технической терминологии. В этот период некоторые вопросы терминологии освещались в диссертационных работах по исследованию отдельных отраслевых систем терминов (З. П. Даунене, В. А. Купреенко, В. Н. Лозовский, И. В. Шадульский, Л. А. Камко, А. И. Киселевский, В. П. Красней).

В 1980 году создана Терминологическая комиссия при Академии наук БССР. Главными задачами этой структуры были разработка теоретических основ и методики упорядочения белорусской терминосистемы, практическая разработка терминологии различных отраслей науки и техники, координация и организация терминологической работы в республике, международное сотрудничество, составление словарей. С целью освещения деятельности комиссии издавался «Тэрміналагічны зборнік», состоявший из разделов: «Актуальные вопросы упорядочения белорусской научной терминологии», «Терминография». Всего опубликовано 4 выпуска этого сборника, последний — в 1992 году.

В конце 80-х гг. XX в. в Беларуси произошли существенные изменения в социальных, экономических и правовых сферах, была провозглашена суверенная Республика Беларусь (27.07.1990 г.), а также принят Закон «Аб мовах у Беларускай ССР» (26.01.1990 г.), возобновивший государственный статус белорусского языка. Данные факторы содействовали значи-

тельному расширению сфер функционирования белорусского языка, повышению интереса к вопросам, связанным с его историей и развитием. Началась работа над усовершенствованием белорусской орфографии и пунктуации. Это вызвало активные дискуссии по вопросам терминологии. В условиях бурного развития науки и техники, происходящего в последние десятилетия информационного «взрыва» возникла необходимость разработки терминологий всех областей знания.

Ответом на потребности общества в упорядоченной белорусскоязычной терминологии были активизация работы прежних и создание новых организаций, осуществляющих терминологическую деятельность.

В 1989 г. начала работать Терминологическая комиссия Общества белорусского языка (Таварыства беларускай мовы), члены которой подготовили и издали ряд терминологических словарей, участвовали в организации конференций по проблемам терминологии.

В 1991 году сформирована Республиканская терминологическая комиссия при Академии наук Беларуси, которая продолжила деятельность основанной в 1980 году Терминологической комиссии при АН БССР.

Как региональное ответвление при этой комиссии в 1992 году был организован и некоторое время функционировал Терминологический центр Белорусского государственного университета. Он координировал работу по созданию и упорядочению белорусской

терминологии в рамках учебных дисциплин, преподаваемых в университете.

Положения о Республиканской терминологической комиссии при Национальной академии наук Беларуси в новой редакции утверждены в 2006 году (председатель — А. Н. Булыко). Комиссия является научно-консультационным органом, который работает на общественных началах. В число ее задач включены разработка, систематизация и внедрение в практику терминологии на белорусском и русском языках, консультирование учреждений и организаций, обсуждение и рекомендация к изданию терминологических словарей, подготовленных научными учреждениями Республики Беларусь, участие в конференциях.

В 1995 г. создан Отдел белорусской научной терминологии при Научно-просветительском центре имени Ф. Скорины. Главными направлениями деятельности отдела были установлены: формирование баз данных в сфере терминологии, составление библиографий, рецензирование, организация и проведение терминологических семинаров, издательская деятельность. В 1997 и 1999 гг. опубликованы 2 выпуска «Тэрміналагічнага бюлетэня». В соответствии с государственной программой здесь разрабатываются научные темы по информатизации терминологической работы в Беларуси и по сопоставительным исследованиям в белорусской и немецкой терминологии.

Разработкой и стандартизацией терминов занимается Белорусский государственный институт стандартизации и сертификации (БелГИСС). Совместно с этим институтом заинтересованные юридические лица готовят проекты государственных стандартов, содержащих корпус терминов различных областей деятельности. Проекты согласовываются с определенными учреждениями, затем утверждаются Государственным комитетом по стандартизации, метрологии и сертификации (Госстандартом).

Во всех этих документах термины и определения даются на русском языке, часто в качестве справочных предлагаются эквиваленты на английском и французском языках. Белорусские же термины в государственных стандартах фиксируются крайне редко, что является диспропорцией при законодательном равенстве белорусского и

русского языков. С 1993 года издано около 250 стандартов, из них всего 32 содержат термины и определения на белорусском языке.

За последние десятилетия были определены основные задачи терминологической деятельности в современной Беларуси с учетом традиций белорусского терминоведения 20-х гг. XX в., а также результатов более поздних терминологических исследований в республике и за рубежом. Это теоретические и прикладные терминологические исследования; упорядочение терминологии; разработка узкоспециальных терминосистем; пополнение банка народных терминов и номенклатуры, а также их анализ с точки зрения возможности включения в состав современной терминологии; изучение практики употребления терминов; обсуждение конкретных терминов в СМИ (предпочтительно специалистами); подготовка новых и пополнение существующих отраслевых терминологических словарей и др.

Из поля зрения термиологов не выпала и такая важная задача национального терминотворчества, как международная унификация терминов [1, с. 153]. Не должно быть «самотужнического» создания собственной «чистой» терминологии, поскольку путь искусственной изоляции ни к чему хорошему не приводит [2, с. 5].

В плане отбора единиц для номинации научного понятия предпочтение отдается тем терминам, которые соответствуют нормам белорусского языка. Не рекомендуются к употреблению, например, суффиксы страдательных и действительных дееспричастий настоящего времени *-ем, -ім, -уч, -юч* / ср. рус. *-ем, -им, -ущ, -ющ* (*адымнік / вычитаемое, дзеліва / делимое, дзейныя войскі / действующая армия*); старославянский суффикс *-цель* / рус. *-тель* (*наймальнік / наниматель, выпарнік / испаритель*); суффикс *-ірава* / рус. *-ирова* (*маркаваць / маркировать*); финаль *-ій* / рус. *-ий* (*эндаметр / эндометрий*) и др.

Среди предложенных в качестве терминов лексем не все можно принимать как образцовые, например, ложную соотношенность вызывают термины *камора / ячейка* и *каморнік / землемер, рахунак / счёт* и *падрахунак / итог*; воспринимается как русизм термин *рысунак / чертёж* / ср. рус. *рисунок*; приобретают пейоративную окраску номи-

нации типа: *сканаваць / сканировать, анадаваць / анодировать* и т. д. Однако в целом такие факты свидетельствуют скорее не о недостатках работы термиологов, а о её сложности и необходимости продолжения в целях упорядочения и систематизации.

Основная деятельность по изучению и разработке белорусской терминологии, составлению словарей проводится в Институте языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, а также в вузах страны. В высших учебных заведениях введен обязательный курс «Белорусский язык: специальная лексика», хотя преподавание профильных предметов ведётся в основном на русском языке.

Терминология белорусского и русского языков совершенствуется в процессе работы над учебниками и учебно-методическими пособиями по специальной лексике. С 1992 года их опубликовано более 100.

Учебные пособия разработаны для студентов различных профилей: медицинского (Г. З. Алексеева, М. И. Бушма, Л. И. Васильева, Н. А. Вольнова, С. Л. Денисов, О. С. Заборовская, Л. С. Капитула, Н. Г. Мерещак, С. К. Ромашкевичус, Л. П. Семенюк, Е. Н. Хомич, А. З. Цисык, М. Н. Щербакова и др.); общей биологии (В. И. Колмогоров, Л. П. Мартыненко); экономического (А. В. Губкина, В. А. Зразикова, А. В. Ермолович); нефте- и газодобычи (С. М. Струкова); юридического (Н. А. Гончарова, Т. М. Смольская, Л. В. Хрищанович); теории литературы (В. П. Рагойша); церковного (И. А. Чарота); журналистики (В. П. Воробьев, С. В. Дубовик) и др.

Исследования терминологии в Беларуси в целом отражают общие тенденции развития языкознания в последние десятилетия. Преимущественно изучаются проблемы белорусскоязычной терминологии, отчасти русскоязычной и др. Это диахронические и структурно-семантические разработки (Т. В. Алехна, В. Д. Астрейко, В. В. Бондарович, В. П. Красней, Д. А. Лавшук, В. Э. Луцаков, Е. Н. Михалева, А. В. Никишова, И. Г. Сафьян, П. В. Стецко, В. К. Щербин, Э. А. Яловская); изучение проблем образования, формирования и состава различных систем терминов (С. М. Аниськова, Л. А. Антонюк, М. В. Буракова, Л. М. Вардомацкий, Д. В. Дятко, Е. П. Занкавич, Е. И. Калечиц, Т. В. Капейко,

Е. Н. Лапковская, Ю. Н. Лукьянюк, Е. П. Любецкая, Л. Н. Минакова, П. А. Михайлов, Л. Л. Плыговка, Е. Н. Полуян, П. П. Шуба); исследование терминологических заимствований в белорусском языке и терминологии иностранных языков (Л. С. Капитула, Л. Е. Ковалёва, Е. М. Сидо, А. З. Цисык); сопоставительный анализ терминосистем и вопросы перевода (М. Г. Антонюк, Г. Ф. Вешторг, А. В. Власов, Г. А. Гвоздович, В. Г. Захарова, К. П. Кабашников, Т. В. Пузевич, Л. М. Салегин, Д. В. Степанова, И. М. Суховицкая); раскрытие эмоционального смысла, взглядов и идейных позиций через термин (Л. П. Андреева, Е. В. Кадзукова); изучение специальной лексики в народных говорах (А. М. Войнова, Л. Н. Минакова, А. А. Станкевич, В. Ф. Трайковская).

Первой комплексной теоретической работой в области терминологии явилась монография Л. А. Антонюк «Беларуская навуковая тэрміналогія» (1987). Различные вопросы терминологии освещены в работах монографического характера Г. В. Арашонковой, А. Н. Булыко, В. В. Ляштика, А. И. Подлужного «Тэорыя і практыка беларускай тэрміналогіі» (1999); Г. Д. Курышко «Явления синонимии в профессиональной лексике: на материале немецкой и русской медицинской терминологии» (2000); А. И. Богдевича «Словаўтваральная структура аддзяяслоўных тэрмінаадзінак-ад'ектываў у сучаснай беларускай літаратурнай мове» (2000); Л. Н. Минаковой, С. М. Анишковой, А. А. Станкевич «Беларуская навукова-тэхнічная тэрміналогія» (2004); Э. И. Хотько, А. В. Кулак «Проблемы создания энтомологической номенклатуры на белорусском языке» (2006); Г. А. Гвоздович «Грамматическая терминология русского и белорусского языков: истоки, структура, функционирование» (2008) и др.

В последние десятилетия развернулась активная лексикографическая деятельность, что существенно повлияло на структуру терминосистем различных отраслей знания и на весь лексический состав языка. Разработчики и составители белорусских терминологических словарей А. Богдевич, Л. Бойцов, Д. Ковалёва, Д. Коротинская, Н. Костюкович, П. Лобко, В. Лупачов, К. Любецкая, В. Ляштик, Л. Майсеня, Д. Павловец, П. Радына, В. Роговцов, Д. Саныко,

Ж. Сипливея, П. Стецко, С. Судник, С. Числов, В. Щербин, С. Ярошевич и многие другие в своей работе отдают предпочтение использованию средств белорусского языка.

Различные вопросы терминологии были освещены на научных конференциях, проведенных в Минске: «Проблемы белорусской научной терминологии» (1994, 1995), а также в Гомеле: «Вопросы нормализации белорусской научной терминологии» (1994), «Перспективы развития и функционирования нормативной лексики» (1998), «Проблемы развития, функционирования и нормирования лексики белорусского языка» (2004). В настоящее время регулярно организуется в Белорусском национальном техническом университете специализированная конференция «Терминология: изучение и обучение» (Минск, 2004—2008).

Проблемы белорусской терминологии являются также объектом активных интернет-дискуссий, которые проводятся на различных сайтах, на страницах on-line журналов, что служит одним из ярких доказательств их насущности. В дискуссиях принимают участие прежде всего студенты, преподаватели, специалисты определенных областей, лингвисты. Например, на сайте Praunik.org под лозунгом «Юридическая терминология — создаем вместе!» обсуждаются проблемы языкового оформления белорусских юридических терминов, их перевода с русского языка. На сайте Ассоциации белорусских медиков Medicus.iatp.by поднимаются вопросы белорусской медицинской терминологии, разрабатываются отраслевые словари. На сайте Kamputerm.org под лозунгом «Белорусскую компьютерную терминологию создаём мы!» составляется электронный словарь компьютерных терминов.

Важным событием 2008 года, непосредственно относящимся к белорусскому языку, стало принятие Закона «Аб правілах беларускай арфаграфіі і пунктуацыі». Для терминологов это означает, что нужно пересмотреть словари, справочники, учебники с учётом всех изменений, поскольку они (изменения) коснулись прежде всего заимствованных слов, основную часть которых составляют термины.

Наиболее разработанными в современном белорусском языке являются медицинская, обществен-

но-политическая, юридическая, биологическая, химическая, музыкальная, торговая, сельскохозяйственная, математическая, лингвистическая и др. Более глубокой разработки требуют узкоспециальные подсистемы, а также терминология культурологии, социологии, наук о земле, инновационных технологий.

В нынешних условиях белорусская терминология развивается противоречиво. С одной стороны, ее состав пополняется и совершенствуется, создаются словари, учебные пособия, при этом наблюдается стремление к сохранению самобытности. С другой стороны, в условиях государственного белорусско-русского билингвизма и доминирования русского языка практически во всех сферах белорусская терминология оказывается недостаточно востребованной и потому не универсально развитой в сравнении с русской. Реестры русских словарей являются сегодня основным источником пополнения белорусской терминосистемы, интернациональные термины приходят в белорусский язык лингвистически и семантически освоенными русским языком.

Исследования и практика показывают, что белорусский язык обладает необходимым потенциалом для обслуживания всех сфер научно-технической деятельности. Главными условиями широкого использования белорусской терминологии являются интенсификация работы по упорядочению и унификации отраслевых терминосистем, пополнению терминологического фонда и созданию полных специальных словарей.

Для оптимизации развития терминологии на белорусском языке нужна, в числе прочего, масштабная государственная поддержка. Целесообразно также усовершенствовать межгосударственную, в частности белорусско-русскую, координацию научно-практической терминологической деятельности и создать организацию, которая руководила бы этой работой.

Литература

1. Антонюк Л. А. Беларуская навуковая тэрміналогія: Фарміраванне, структура, упарадкаванне, канструяванне, функцыянаванне. Мінск, 1987.
2. Цыхун Г. А. Шляхі ўпарадкавання беларускай тэрміналогіі // Тэрміналагічны бюлетэнь. Мінск, 1997. Вып. 1.

Вклад Л. А. Антонюк в становление Белорусской школы терминоведения

Жизнь человека не вечна,
но наука и знания переступают
пороги столетий
И. В. Курчатова

Более 35 лет в науке. **Любовь Адамовна Антонюк (1949—2006)** — известное имя в белорусской лингвистике. Доктор филологических наук, профессор, автор свыше 120 научных работ, среди которых монографии, учебные пособия, многочисленные статьи, в т. ч. энциклопедические. Она также соавтор музыкального и двух лингвистических словарей, лингвистического компендиума по белорусскому языку.

Большую часть своей научной жизни Любовь Адамовна посвятила терминологическим исследованиям. Безусловно, ее интересовали и иные направления, в частности, грамматические категории белорусского языка, теория поля в грамматике, лексико-грамматические поля в белорусском языке, синтаксис белорусского языка, словообразование и др. И все же главный объект исследований

Гвоздович Галина Александровна,
доцент кафедры стилистики и литературного
редактирования Института журналистики
Белорусского государственного университета,
кандидат филологических наук,
hvazdovich@mail.ru

Антонюк Марина Георгиевна,
доцент кафедры государственного управления
социальной сферой и белорусоведения
Академии управления
при Президенте Республики Беларусь,
кандидат филологических наук,
ant_marina@tut.by

Л. А. Антонюк — терминология, проблемы которой освещены и в ее последней книге «Специальная лексика белорусской мовы. Тэрміналогія» [4].

Л. А. Антонюк внесла большой вклад в организацию терминологической работы в Беларуси и координацию этой работы с терминологическими исследованиями в других республиках бывшего СССР. Являясь научным сотрудником Института языкознания Академии наук БССР (Национальной академии наук Беларуси), она также была ученым секретарем созданной в 1980 г. Терминологической комиссии при Академии наук, первым научным редактором официального печатного органа этой комиссии — «Тэрміналагічнага зборніка». С 1991 г. работу в этом направлении Любовь Адамовна продолжила на филологическом факультете Белорусского государственного университета, а с 1998 г. — в Академии управления при Президенте Республики Беларусь, где заведовала кафедрой белорусоведения. Л. А. Антонюк являлась лидером научной школы белорусской терминологии, которая объединила представителей различных профильных коллективов. Она также осуществляла научное руководство диссертационными исследованиями по терминологии, разработала учебный курс по специальной лексике белорусского языка для студентов вузов.

Являясь членом Международной организации по унификации терминологических неологизмов (МОУТН), которую основал и которой руководил видный польский

ученый З. Стоберски, Л. А. Антонюк проводила значительную работу над пополнением банка интернациональных терминов. Любовь Адамовна входила в состав редколлегии журнала «Neoterm» — официального органа МОУТН, была членом Международной федерации терминологических банков (МФТБ), избиралась вице-президентом этой организации, участвовала в составлении белорусскоязычной части рубрики «Интернациональная научная терминология (неологизмы в направлении унификации)», которая публиковалась в журнале «Babel» [11].

Формированию фундаментально-теоретических и инженерно-лингвистических идей Любови Адамовны в области терминологии способствовали достижения Белорусской терминологической школы, существовавшей в рамках Научно-терминологической комиссии, действовавшей в Беларуси в 1921—1930 гг., яркими представителями которой были Н. Бойков, М. Горецкий, В. Ластовский, И. Лёсик, И. Луцевич (Я. Купала), К. Мицкевич (Я. Колас), С. Некрашевич, а также терминологические работы Д. С. Лотте, Г. О. Винокура, А. А. Реформатского, В. П. Даниленко и других видных лингвистов. На методологию научных исследований Л. А. Антонюк оказали влияние идеи ее мужа философа Г. А. Антонюка, в частности, его концепции системного и инженерного подходов в научных исследованиях, проектирования, которые она творчески применила к изучению терминологии.

Уже в начале своих терминологических исследований Любовь Адамовна уделяла внимание вопросам развития, упорядочения белорусской терминологии, ее унификации и интернационализации. Именно эти проблемы она осветила в своих докладах на Всесоюзном семинаре (СССР) «Проблемы разработки и упорядочения терминологии в академиях наук союзных республик» (Москва, 1982), I Международном конгрессе по проблемам интернационализации и международной унификации терминологии (Варшава, 1983), заседании Международной комиссии по лингвистической терминологии при Международном комитете славистов (Киев, 1984) и др. [1; 3; 9; 10].

Л. А. Антонюк принадлежит первое в белорусском языкознании комплексное теоретическое исследование белорусской научной терминологии. Его результаты наиболее полно изложены в монографии «Беларуская навуковая тэрміналогія» [2] и докторской диссертации «Беларуская тэрміналогія». В этих работах впервые были системно изучены особенности формирования и структуры белорусской терминологии, проблемы ее функционирования, развития, упорядочения и проектирования, лексико-грамматическая, лексико-генетическая, лексико-семантическая характеристики терминов.

В своей исследовательской деятельности Л. А. Антонюк руководствовалась тем, что при анализе белорусской терминологии необходимо последовательно разграничивать две формы ее эволюции. К первой относится естественное формирование терминологической лексики. Оно происходит в процессе развития соответствующих областей знания и является объектом фундаментальных научных исследований. Вторая форма — следствие специальной терминологической работы, которая включает целенаправленное нормирование, упорядочение, унификацию, проектирование, практическое создание терминов и терминосистем и опирается на прикладные, в т. ч. инженерно-терминологические научные исследования [2, с. 10; 8, с. 7].

Впервые в терминоведении Л. А. Антонюк теоретически обос-

новала необходимость целенаправленного применения проектирования для создания оптимальных терминологических систем, рассматривая такое создание как разновидность инженерной лингвистики. Терминологическое проектирование и исследование существующих терминологий она относила к разным типам деятельности. Проектирование в терминологии Любовь Адамовна определяла как конструирование терминологических систем с заданными свойствами. В то же время она считала, что создание оптимальных терминосистем предполагает, наряду с проектированием, также определение требований к создаваемым терминосистемам и целей, ради которых они формируются, составление плана построения терминосистем, разработку технологии реализации терминологических проектов и другие разновидности терминологического конструирования.

Фундаментальные и инженерные исследования, а также инженерные разработки — это, по мнению Л. А. Антонюк, три взаимодополняющие и взаимозависимые стороны в создании оптимальных терминосистем. Л. А. Антонюк выделила две противоположные тенденции, влияющие на функционирование терминологии: бурное развитие терминосистем отдельных национальных языков в благоприятной социолингвистической ситуации и их сближение на основе увеличения интернационального терминологического фонда.

В вопросах о месте терминологии в лексической системе белорусского языка Любовь Адамовна придерживалась мнения, что термины не следует рассматривать в противопоставлении общеупотребительному слову, а терминологию — за пределами лексической системы языка. Она считала, что признаки дефинитивности, системности, однозначности, соотносительности с научным понятием не являются противоположными определенным свойствам общеупотребительных слов.

Исходя из комплексного объяснения особенностей термина и используя функциональную объяснительную парадигму в качестве одного из его компонентов, Л. А. Антонюк полагала, что «отличие термина от общеупотребитель-

ного слова не ограничивается только его особой функцией. Эта особая функция накладывает определенную специфику на природу терминов как языковых знаков, на систему образования терминов, их структурную, грамматическую и семантическую организацию. В связи с этим и существующие в национальном языке закономерности словообразования, лексико-семантические, лексико-генетические, лексико-грамматические и иные процессы характеризуются в терминологии особой спецификой. В то же время сама эта специфика в каждом национальном языке проявляется по-своему» [8, с. 35—36].

Применив комплексный подход к объяснению особенностей терминов, Л. А. Антонюк охарактеризовала их как слова или словосочетания, которые предназначаются для номинации специальных понятий науки, техники, искусства и др. и отличаются обусловленным их понятийной природой характером дефинитивности, системности, однозначности в составе упорядоченных терминосистем [7; 8, с. 36].

Анализируя особенности белорусской научной терминологии, Л. А. Антонюк использовала и активно развивала системный подход, в т. ч. полевый подход как его разновидность в языкознании [2, с. 40—47; 5, с. 21]. Она отмечала, что белорусская научная терминология в целом и терминология конкретных областей науки представляют собой высокоцелостные системные образования, обладающие компактным, но неоднородным по характеру и функциональным особенностям ядром (центром) и периферией. Их ядро — это собственно научные термины, которые выражают системы понятий различных областей знания. Межнаучные термины и термины, которые широко употребляются неспециалистами, согласно Л. А. Антонюк, образуют постепенный переход в диффузную периферию, где происходит пересечение терминологического и общелитературного словарей.

Любовь Адамовна исходила из того, что невозможно провести строгие границы между различными терминосистемами. Это обусловлено, во-первых, особенностями организации системы поня-

тий каждой области знания, тесно связанной с понятийными системами других областей, во-вторых, все более интенсивным взаимодействием терминологической лексики с общелитературной [8, с. 33].

Характеризуя семантические процессы в современной терминологической лексике, Л. А. Антонюк отмечала наличие синонимии, омонимии, многозначности и анализировала эти явления с трех сторон: сущности и функционального назначения терминов; развития отдельных терминов и терминосистем; упорядочения терминологии. Она поддерживала позицию, что для эффективной реализации функции терминов соответствие знака и понятия должно быть однозначным. Для эволюции терминологии названные семантические процессы Любовь Адамовна считала необходимыми и пришла к выводу, что «дискуссии относительно общей положительной или (чаще) отрицательной оценки синонимии, омонимии и многозначности в терминологии обусловлены тем, что авторы определенных концепций оценивают эти явления с различных точек зрения» [2, с. 75].

Изучая вопросы упорядочения белорусской терминологии, Л. А. Антонюк выделила два аспекта: систематизацию, уточнение понятий и соответствующих терминов и упорядочение языкового оформления терминов, подчеркнув актуальность создания методики упорядочения современной терминологии в условиях белорусско-русского билингвизма. В частности, она считала необходимым учитывать тот факт, что в белорусский язык термины часто проникают через посредничество русского языка. Любовь Адамовна отмечала, что при упорядочении терминологии нужно учитывать степень соответствия определенного термина содержанию обозначаемого понятия, словообразовательные возможности, степень близости к соответствующим терминам других славянских языков, краткость номинаций [1; 2, с. 117; 3; 8, с. 28].

Л. А. Антонюк обосновала необходимость максимального использования в белорусской терминологии однословной терминологической единицы, предложила пути сокращения многословных

белорусских терминов. Анализ условий и возможностей «свертывания» многословных терминосистем она относила к числу принципиально важных вопросов развития и совершенствования белорусской терминологии [6, с. 35—36].

Развивая идею об актуальности международной координации терминологической работы, Л. А. Антонюк обосновывала необходимость целенаправленного формирования интернационального банка терминологической лексики. При этом она отмечала, что международная унификация терминов должна приниматься в расчет при упорядочении терминосистем национальных языков и поэтому являются насущными создание международных систем понятий, а также специальной организации, которая занималась бы разработкой таких систем [2, с. 153; 4, с. 72—76].

Работая в Международной организации по унификации терминологических неологизмов, Л. А. Антонюк пришла к выводу, что хотя международная унификация терминов может быть направлена преимущественно на их содержание, однако важным является и языковое оформление терминов. Особого внимания заслуживают отбор лексических средств национального языка и их терминологизация, поскольку, «во-первых, терминологизация общелитературной лексики является основным способом терминообразования в языках мира, во-вторых, здесь прослеживаются определенные закономерности, которые свойственны многим языкам и могут быть использованы как инструмент международной унификации терминов. Это, в первую очередь, структурная и семантическая мотивированность производных терминов, специализация терминообразовательных морфем и т. д.» [8, с. 30].

В данной статье освещены далеко не все достижения Любови Адамовны Антонюк в области терминологии. Работы этого ученого относятся к числу концептуальных исследований, синтезирующих разные научные направления и способствующих дальнейшему развитию терминологии. Результаты ее исследований совмещают эмпирический и теоретический уровни, учитывают необходимость связи в терминологической работе национального с интернациональ-

ным. Они являются ярким свидетельством того, что невозможна эффективная терминологическая работа в области национальной терминологии, в данном случае белорусской, без общетеоретических терминологических исследований и координации национальной терминологической работы с международной. Ведь внутренний потенциал саморазвития любого языка и возможность его участия в лингвистическом обеспечении мирового общественного прогресса ограничены.

Литература

1. Антонюк Л. А. Асаблівасці ўпарадкавання навуковай тэрміналогіі на ўмовах беларуска-рускага двухмоўя // Тэрміналагічны зборнік: '84 / Рэд. Л. А. Антонюк. Мінск, 1986.
2. Антонюк Л. А. Беларуская навуковая тэрміналогія: Фарміраванне, структура, упарадкаванне, канструаванне, функцыянаванне. Мінск, 1987.
3. Антонюк Л. А. Развіццё беларускай лінгвістычнай тэрміналогіі і праблема яе ўпарадкавання // Славянская лінгвістычная терминологія: Матэрыялы засядання Міжнароднай камісіі па лінгвістычнай терминологіі. Кіеў, 1984.
4. Антонюк Л. А. Спецыяльная лексіка беларускай мовы. Тэрміналогія: вучэб. дапам. 2-е выд. Мінск, 2005.
5. Антонюк Л. А. Станавячы значэнні сумеснасці і ўзаемнасці ў беларускай мове Пад. рэд. А. Я. Міхневіча. Мінск, 1981.
6. Антонюк Л. А. Сучасная беларуская тэрміналогія. Мінск, 1995.
7. Антонюк Л. А. Тэрміналогія // Беларуская мова: Энцыклапедыя / Пад рэд. А. Я. Міхневіча. Мінск, 1994.
8. Антонюк Л. А. Беларуская терминологія (станавленне, развіццё, структура): Авторэф. дис. ... д-ра філал. навук. Мінск, 1992.
9. Антонюк Л. А., Бірылло Н. В. Беларуская терминологія // Развіццё терминологіі на языках союзных рэспублік СССР. М., 1986.
10. Антонюк Л. А., Міхневіч А. Е. Історыя, сучаснае становленне і задачы терминологічнай работы в ВССР // Праблемы развіцця і упарадкавання терминологіі в акадэміях навук союзных рэспублік. М., 1983.
11. International scientific terminology. Neologisms in the course of unification // Babel. 1981. № 4; 1982. № 1; 2 и др.

Гносеологические корреляции термина «синкретизм» в философии и лингвистике

Виктория Алексеевна
Береснева,

доцент кафедры

романо-германской филологии

Вятского государственного

гуманитарного университета,

кандидат филологических наук,

avis@novο.kirov.ru

Принято считать, что для того чтобы ориентироваться в окружающем мире и успешно его преобразовывать, человек должен адекватно воспроизводить, отражать действительность, т. е. познавать ее. Высшей формой моделирования действительности и высшей ступенью познания является мышление, а одной из форм проявления мышления является язык. Изучая язык, мы можем изучать мышление, а следовательно, и окружающий нас мир.

На особую значимость языка как формы общественного познания указывает выдающийся немецкий языковед Й. Л. Вайсгербер. «Все языковое, — пишет ученый, — служит познанию, а именно таким образом, который следует назвать интеллектуальным по своей сути, поскольку решающую возможность языка — уловить конкретное, переработать, связать с другим — все же нужно рассматривать как интеллектуальную». В связи с тем что «ни один человек не обладает своим личным языком», «языковое познание по своей сути» является также «общественным» [см.: Вайсгербер: 119—120].

Но не противоречит ли тезис о познавательной ценности языка философскому постулату, что «сущность познавательного отношения к миру является предметом <...> философского осмысления, ибо оно связано с анализом и решением коренных мировоззренческих проблем отношения человека к действительности. Познание является необходимой стороной этого отношения и само может быть понято только в контексте последнего» [Введение в философию: 452—453]?

Размышляя о том, что такое философия, В. В. Библихин пишет: «София в философском прояснении этого слова именуется сущность человека, способность понимания в отк-

рытости, дающей через свое присутствие возможность присутствовать миру» [Библихин: 85—86].

«Философия, принимающее понимание, — замечает исследователь, — в своей открытости миру равна языку» [там же: 86]. И ниже: «Язык философии оказывается <...> собственно языком» [там же: 86—87].

Свои рассуждения по поводу того, «в каком именно смысле <...> философия и язык — одно» [там же: 87], автор предваряет цитатой из Г. Г. Гадамера: «Язык есть всеохватывающая предистолкованность мира» [там же]. В языке «слова указывают на вещи», «категории и структуры (морфология, синтаксис) — на отношения внутри мира», а «язык в целом — знак целого мира» [там же].

Определение Гадамера, отмечает В. В. Библихин, «восходит <...> к хайдеггеровскому определению языка как разбиения мира» [там же: 88]. При этом он обращает наше внимание на принципиальное отличие последнего определения от определения Гадамера. Библихин говорит: «Язык есть разбиение (Aufriß) мира в том смысле, в каком мы говорим о разбивке сада. <...> Разбить сад значит создать его. <...> При разбивке сада действуют <...> не насильственно. Садовод овеществляет тот порядок и строй, каких сад <...> требует сам как таковой. <...> Сада и абстрактного плана сада нет до разбивки, и все же мы не придумываем сад, он заложен в самой сути земли потому, что земле пристало быть садом с такой очевидностью, что, наоборот, не быть им ей неестественно. Сад должен быть разбит потому, что земля, которая не сад, как бы еще и не земля. <...> Разбивая на ней сад, мы тем самым <...> даем земле быть тем, что она есть по существу. Если хотите, мы „истолковываем“ при этом землю» [там же: 88—89].

«Истолкование, каким является язык в качестве разбиения», по мнению ученого, «не обязательно должно быть <...> предварительным. Лучше было бы, <...> чтобы оно сразу оказалось и единственным настоящим истолкованием». «То, что оно пока предварительно», свидетельствует о том, что язык «в свою очередь нуждается теперь в „разбиении“, которое вернуло бы ему его существо» [там же].

Исследователь правильно заключает: «Суть мира, которая не видна в мире так же, как сад не виден в голом пустыре, может присутствовать в словесном разбиении мира. Дело за нами. Присутствие мира в языке требует человека. Мир требует человека, чтобы показать свою истину» [там же: 90].

Вышеизложенные наблюдения весьма ценны. Они проливают свет на возможность двойной интерпретации лингвистических терминов, сущность гносеологической функции языка, связь языка и философии. Поясним сказанное на примере исследуемого нами лингвистического синкретизма.

Прежде всего отметим, что «лингвистический синкретизм» надлежит понимать в двух значениях. Во-первых, как *синкретизм языковых форм*. Применительно к последним следовало бы, собственно, говорить о «языковом синкретизме». Но в силу известных терминологических процессов мы остановились на термине «лингвистический синкретизм». Синкретизм в данном значении мы трактуем как *совмещение двух и более функций одним языковым знаком* и отличаем это языковое явление от явлений контаминации, игры слов, омонимии и полисемии [см. об этом в: Береснева: 3 и след.].

Термин «синкретизм» (греч. *sygkrētismós* = соединение, объединение) традиционно истолковывается как слитность, нерасчле-

ненность, характеризующая первоначальное, неразвитое состояние какого-либо явления [ср., напр., Синкретизм // Кондаков: 473; Синкретизм // Философский...: 609; Синкретизм // Психология...: 363; Синкретизм // Человек и общество...: 421; Синкретизм // Кравченко: 529—530]. При ближайшем рассмотрении, однако, выясняется, что синкретизм свойственен не только неразвитому состоянию какого-либо явления, но может также восприниматься как результат его эволюции, что позволяет говорить о нескольких этапах развития синкретизма. Проиллюстрируем это примером развития грамматической категории времени в немецком языке.

Первоначальный, или *первородный*, синкретизм, характерный для ранних этапов развития языка, выражался в *смешении*, *вынужденной слитности* содержательных элементов грамматической категории времени, что подтверждает тезис о слитности явлений на начальных стадиях их развития [ср., напр.: Москальская: 113].

Первоначальный лингвистический синкретизм имеет место также на современном этапе развития языка. В рамках денотативных функций всех временных форм наблюдается совмещение грамматических категорий темпуса и аспекта (вида). Денотативные функции форм футура дополнены еще и модальной семой. Тем самым все временные формы современного немецкого языка обнаруживают проявление *межкатегориального синкретизма* [ср. об этом подробнее в: Береснева: 13 и след.]. Мы называем межкатегориальный синкретизм *первородным синкретизмом*, по причине того, что размежевания содержательных элементов исследуемых объектов еще не произошло.

Каждая временная форма современного немецкого языка совмещает в своем парадигматическом содержании несколько сигнификативных функций. Одна из них совпадает с денотативной функцией данной временной формы, а другие отражают транспонирование временной формы в первичную временную сферу употребления других временных форм. Презенс и перфект транспонируются в первичные временные сферы функционирования претеритальных и футуральных временных форм, претерит и плюсквамперфект — в

первичные временные сферы функционирования презентных и футуральных временных форм, футур I и футур II — в первичные временные сферы функционирования презентных и претеритальных временных форм [ср. об этом подробнее там же: 31 и след.].

Сигнификативные функции, обнаруживающиеся при употреблении временной формы в областях, традиционных для других форм парадигмы, не тождественны денотативным функциям форм-партнеров данной формы по парадигме, так как денотативные функции представляют *объективное* содержание форм, а смысловые признаки, возникающие при транспозиции временной формы в первичную временную сферу функционирования других временных форм, проявляются на уровне являющихся фактом коллективного языкового сознания *коннотаций*. Употребления временных форм в первичной временной сфере функционирования других временных форм могут быть обозначены, таким образом, *«грамматическими метафорами»* [термин Е. И. Шендельс: 50].

Все временные формы транспонируются в первичную временную область употребления своего партнера по парадигме, поскольку последний не может выразить то, что находится в сфере возможностей транспонируемой временной формы в силу ее денотативного содержания. Так, презенс способен обозначить действительно воспроизводящее, повторяющее воспоминание, претерит может представить настоящее или будущее относительно момента актуального события / бытия как уже состоявшегося в «живой» фантазии говорящего.

В результате транспозиции одной грамматической формы противопоставления в первичную временную сферу функционирования другой происходит *нейтрализация различных темпоральных дифференциальных признаков* в рамках *одной единой* грамматической категориальной формы. Нейтрализация же на уровне каждой временной формы приводит к объединению в системе языка в общее нерасчлененное целое ее сигнификативных функций, т. е. к парадигматическому *внутрикатегориальному синкретизму*.

На основании того, что сигнификативные функции временной формы являются отображением

разных сторон *одного и того же* объекта существующей реальности, внутрикатегориальный синкретизм в системе временных форм в отличие от первоначального синкретизма, вынужденной слитности содержательных элементов, может быть охарактеризован как *свободный синтез* содержательных элементов, различных сигнификативных функций в пределах единой грамматической формы.

Синкретизм языковых форм как языковой феномен есть *«предистолкованность мира»*. Иначе дело обстоит со вторым значением термина «лингвистический синкретизм», представляющим *научно-лингвистическое понимание синкретизма*. Такой подход к синкретизму предполагает присутствие человека, который истолковывает, «разбивает», язык. «Разбиение» языка возвращает ему его существо — быть формой общественного познания. «Разбивая» язык, человек «разбивает» тем самым и мир, ведь «за словом всегда весть о событии», а «существо всякого события — присутствие мира» [Библихин: 93].

Для объяснения лингвистического синкретизма мы, несомненно, можем и должны использовать законы мышления, развиваемые, к примеру, в рамках теории всеединства. Это и «закон определенности», и «непосредственно предполагаемый» им «высший закон — закон единства» С. Л. Франка [ср.: Франк: 202—203, 220], и «общий закон развития исторической индивидуализации или исторического момента, индивидуальности и качественности» Л. П. Карсавина [ср.: Карсавин: 200].

Но прежде всего здесь нужно назвать «общий закон всякого развития», установленный В. С. Соловьевым [ср.: Соловьев: 145]. Именно «Вл. Соловьеву принадлежит инициатива (не только в русской, но и в общеевропейской философии) возрождения концепции „всеединства“» [Зеньковский: 476], попытки построения которой идут «начиная от ранних стоиков, через всю античную философию, до Плотина и Прокла» [там же: 475], от Вл. Соловьева «и идет в русской мысли гипноз этой концепции, чарующей и подчиняющей себе умы» [там же: 476].

Общий закон развития, указывает В. С. Соловьев, был логически сформулирован Гегелем. Вл. Соловьев называет три состояния (момента) развития: смешение, или

внешнее единство, обособление составных форм и элементов организма и внутреннее свободное единство. Этот закон был положен В. С. Соловьевым в основу его учения о всеединстве.

Первый и третий моменты в схеме развития В. С. Соловьева отражают, по нашему убеждению, два этапа развития синкретизма. Несмотря на то что в своих произведениях Вл. Соловьев не употребляет слова «синкретизм», а использует синонимичные термины («смешение», «внешнее единство», «внутреннее свободное единство», «синтез», «всеединство»), в работе В. В. Розанова «Памяти Вл. Соловьева» нами обнаружено следующее крайне важное замечание: «В одной ненапечатанной статье своей „Схема развития славянофильства“ я, указывая историческое положение Соловьева и характеризуя общий склад его ума, занятий и направлений, опередил их словом „эклетицизм“. Покойный, прочитав эту рукопись и возвращая ее мне, сказал: „Только слово ‘эклетицизм’ вы заменили бы словом ‘синкретизм’ (курсив наш. — В. Б.)“. Считаю долгом внести эту личную поправку Соловьева, не отвергая ее, хотя и не настаивая на ней» [Розанов: 190].

Первый момент развития соответствует начальному этапу развития синкретизма в мышлении. Первоначальный мыслительный синкретизм может быть назван мифологическим синкретизмом, по причине того, что миф является средоточием данного вида синкретизма. На ранних ступенях развития человечества миф объединял в себе «зачатки знаний, религиозных верований, политических взглядов, разных видов искусств, философии» и «выступал как универсальная, нерасчлененная (синкретическая) (курсив наш. — В. Б.) форма сознания» [Введение в философию: 13—14].

Синкретичность в мышлении и вызывает синкретизм в языке. Слабая дифференциация содержательных элементов грамматической категории времени на ранних стадиях развития немецкого языка служит отображением слабой дифференциации концепта времени, нерасчлененности в восприятии временных предметов. Из нерасчлененного восприятия объективной реальности проистекает также и межкатегориальный синкретизм временных форм современного немецкого языка. Дан-

ный вид языкового синкретизма коренится в том, что соответствующие предметы и явления объективной реальности (денотаты) мыслятся во всей совокупности их отношений, слитно. Лишь при дидактическом представлении эти синкретичные денотаты расчленяются.

Мифологический синкретизм является первым этапом развития синкретизма в мышлении. Новый этап развития синкретизма неизбежен в силу действия общего закона развития. Внутреннее свободное единство содержательных элементов, соответствующее третьему моменту в схеме развития В. С. Соловьева, обнаруживается, по нашим наблюдениям, в метафоричности нашего мышления и нашей понятийной системы.

Именно существование синкретичных метафорических концептов, или, иными словами, синкретичных понятийных метафор («псевдоактуализированное прошлое», «состоявшееся в „живой“ фантазии действующего лица будущее» и т. д.), порождает транспозицию одной временной формы современного немецкого языка в первичную временную сферу функционирования другой, т. е. внутрикатегориальный синкретизм.

Оба этапа развития синкретизма в языке, соответствующие разным стадиям развития мышления человека, несмотря на их различие (вынужденная слитность — свободное единство), есть признак особой организации нашей понятийной системы. В основе лингвистического синкретизма — всегда би- или поликонцептность, совместная реализация концептов, отражающая совокупность всех познанных сторон и свойств того или иного факта объективной реальности.

Обобщая сказанное, подчеркнем, что между языком и философией всегда обнаруживались сложнейшие взаимоотношения. Их объединяет то, что оба эти феномена «открыты миру», «умеют принять мир как он есть», и как таковые призваны его познавать и истолковывать. Но они могут делать это, во-первых, лишь совместно, а во-вторых, при непосредственном участии человека. Человек при помощи языка философски объясняет мир.

Лингвистический синкретизм как научно-лингвистический подход, толкование человеком синкретизма, в силу того что законы

мышления, работу которого язык объективирует, входят в компетенцию философии, опирается на философское понимание синкретизма. Но, с другой стороны, последнее не имело бы места, если бы не было языкового синкретизма, отображающего синкретизм в мышлении, изучением которого и занимается философия. На этой взаимной связи лингвистического и философского синкретизма и зиждется обозначенное в названии статьи соотношение термина «синкретизм» в философии и лингвистике.

Литература

- Береснева В. А. Синкретизм временных форм современного немецкого языка / Отв. ред. В. А. Татаринцов. Киров, 2008.
- Библихин В. В. Язык философии. М., 1993.
- Вайсгербер Й. Л. Родной язык и формирование духа / Пер. с нем., вступ. ст. и коммент. О. А. Радченко. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2004.
- Введение в философию / Авт. колл.: И. Т. Фролов и др. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2002.
- Зеньковский В. В. История русской философии: В 2 т. Т. 2. Ростов-на-Дону, 1999.
- Карсавин Л. П. Философия истории. СПб., 1993.
- Москальская О. И. История немецкого языка. М., 1977.
- Розанов В. В. Памяти Вл. Соловьева // Вл. С. Соловьев: pro et contra / Сост., вступ. ст. и примеч. В. Ф. Войкова. СПб., 2000.
- Синкретизм // Кондаков Н. И. Логический словарь. М., 1971.
- Синкретизм // Кравченко А. И. Культурология: Словарь. Изд. 2-е. М., 2001.
- Синкретизм // Психология. Словарь / Под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. 2-е изд., испр. и доп. М., 1990.
- Синкретизм // Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М., 1983.
- Синкретизм // Человек и общество. (Культурология) Словарь-справочник. Ростов-на-Дону, 1996.
- Соловьев В. С. Философские начала цельного знания // Соч.: В 2 т. Т. 2 / Общ. ред. и сост. А. В. Гулыги, А. Ф. Лосева; Примеч. С. Л. Кравца и др. М., 1988.
- Франк С. Л. Предмет знания. Об основах и пределах отвлеченного знания // Франк С. Л. Предмет знания. Душа человека. СПб., 1995.
- Шендельс Е. И. Практическая грамматика немецкого языка. 3-е изд., испр. М., 1988.

Основные направления белорусской терминографии

Вячеслав Константинович Щербин,
докторант Института языка и литературы
имени Якуба Коласа и Янки Купалы
Национальной академии наук Беларуси,
член Комиссии по терминоведению
Международного комитета славистов,
кандидат филологических наук,
slavalex@mail.ru

При определении понятия «белорусская терминография» мы ориентировались на такое его понимание, которое базируется на сформулированной М. Р. Судником еще в 1957 г. дефиниции белорусской лексикографии в целом: «Когда мы употребляем термин «белорусская лексикография», мы понимаем под ним все созданное белорусским народом в словарной области независимо от языка» (Судник 1957, 67). Поэтому к белорусской терминографии (далее Т.) мы относили все опубликованные в Белоруссии терминологические словари, независимо от языковой принадлежности описываемой в этих словарях специальной лексики. Конечным итогом проделанной поисковой работы стало выявление более 1120 разноязычных терминологических и близких к ним по типу и содержанию словарей, опубликованных в Белоруссии или же белорусами за ее пределами.

Основные направления белорусской терминографии сориентированы на реалии лингвистической онтологии, характеризующие реестровые единицы специальных словарей. В частности, в качестве таких онтологических феноменов нами рассматривались следующие: а) основные этапы лексикографической обработки термина; б) основные свойства терминов; в) основные отрасли знаний, понятийное содержание которых эксплицируется в специальных словарях.

Так, в процессе лексикографической обработки термина выделяются следующие основные этапы: «а) первое появление термина в научном тексте, б) включение его в соответствующую терминологическую картотеку и «рабочие» терминологические справочники описательного характера, в) постепенное расширение употребитель-

ности термина в научных текстах и среди специалистов данной отрасли знаний, г) систематизация, упорядочение и унификация термина путем толкования в терминологических словарях нормативного характера, д) нормативное использование в сфере функционирования» (Щербин 1992, 8). Нам могут возразить, что отдельные из перечисленных выше этапов (например, этапы а, в, д) не связаны с процессом лексикографической обработки термина. На самом деле это не совсем так. В частности, первое появление термина происходит не только в текстах научных статей и монографий, но и в текстах проективных терминологических словарей, которые тоже имеют статус научных текстов. В свою очередь, постепенное расширение употребительности термина в научных текстах, его нормативное использование в сфере функционирования всегда происходит под влиянием специальных словарей и официальных терминологических стандартов.

С перечисленными выше основными этапами лексикографической обработки термина определенным образом связаны следующие основные направления белорусской Т.:

1) **проективная Т.**, в рамках которой в настоящее время объединяются около четырех десятков терминологических словарей, имеющих в качестве своего подзаголовка слово «Проект». Само появление словарей этого типа обусловлено тем, что «в самом начале формирования национальной терминологии или отдельных терминотем из ее состава, когда при наличии большой общественной потребности в новых терминах отсутствует устойчивая практика естественного формирования терминологической лексики в процессе написания научных текстов

на национальном языке, ускорить удовлетворение этой потребности может создание специальных словарей-проектов» (Щербин 2003, 216), которые содержат в качестве реестровых единиц терминологические неологизмы, предлагаемые для использования авторами таких словарей. Наиболее характерным примером таких проективных словарей является следующее терминологическое издание: *Беларуская навуковая тэрміналогія. Вып. 21. Слоўнік фізічнае тэрміналогіі (Проект) / БАН. АДДЭЛ гуманітарных навук Інстытута навуковае мовы (Мінск, 1929)*

2) **описательная Т.**, к которой можно сегодня отнести более семи десятков белорусских терминологических словарей. Словари данного типа описывают язык конкретных специальных текстов, а также существующую на момент написания этих текстов степень нормированности языка научной дисциплины или отрасли специальных знаний, представляемых данными конкретными текстами. В качестве примера таких описательных словарей можно упомянуть следующее белорусское терминологическое издание: *Тематический русско-белорусский словарь языка научных отчетов. Вып. 1. Физико-математические науки / Сост. В. К. Щербин (Минск, 1992);*

3) **нормативная Т.**, объединяющая в своем составе подавляющее большинство существующих терминологических словарей (более 800 названий). В словарях данного типа раскрываются основные свойства термина как единицы литературного языка: приводятся его орфографическая, орфоэпическая, грамматическая и иные формальные характеристики; дается толкование его значений, оттенков значений, синонимов, антонимов и других семантически свя-

занных с ним лексических единиц; описывается научное понятие, обозначаемое данным термином; приводятся иноязычные эквиваленты термина; раскрывается его сочетаемость с другими терминами и общеупотребительными словами и др. Пример таких нормативных специальных словарей: Русско-белорусский словарь общественно-политической терминологии / Под ред. Н. В. Бирилло, М. Р. Судника (Минск, 1970);

4) **официальная Т.** Данное направление белорусской Т. включает в себя государственные и отраслевые терминологические стандарты и словари стандартизованных терминов (в совокупности более двухсот названий). Словарные издания указанного типа осуществляют жесткий отбор наиболее стандартизованных и рекомендуемых к употреблению терминов, дают им однозначное толкование. Пример таких официальных терминографических изданий: Стандартизованные и рекомендованные термины и определения на русском языке, термины-эквиваленты на английском, термины-эквиваленты и определения на белорусском языках // Холодилов О. В., Пилипович, Петроковец М. И. Русско-белорусско-английский толковый словарь в области трения, изнашивания и смазки / Под общей ред. Н. К. Мышкина (Гомель, 1996). Более подробно о проективной, описательной, нормативной и официальной Т. см. (Щербин 1995а; Щербин 1995б; Чарняўская 1999).

В качестве основания для выделения отдельных направлений белорусской Т. могут использоваться также основные свойства терминов (наличие у них разнообразных формальных и содержательных характеристик, возможность выделения стоящих за терминами понятий, способность терминов объединяться с другими словами в терминированные и фразеологически связанные словосочетания, частота употребления термина в текстах и т. п.):

1) **переводная (двухязычная и многоязычная) Т.** по количеству объединяемых в ее рамках специальных словарей (335 названий) и реестровому объему этих словарей (См.: Щербин 2003, 86) является наиболее разработанным направлением белорусской терминологической лексикографии. В специальных словарях этого типа

термины из почти четырех десятков славянских и неславянских языков приводятся в качестве эквивалентов к белорусским и русским терминам. Пример таких словарей: Русско-английский словарь делового человека: В 2 т. / Сост. В. Н. Янушков, Т. П. Янушкова, А. А. Ченадо (Минск, 1994);

2) в рамках толковой Т. Белоруссии в настоящее время объединяются 312 специальных словарей. Главное внимание в словарях данного типа обычно уделяется определению значений термина, хотя в белорусских специальных словарях толкового типа словарная статья, помимо дефиниции реестрового термина, нередко содержит иноязычные эквиваленты к нему. Пример белорусских специальных словарей толкового типа: Восточнославянский фольклор: Словарь научной и народной терминологии / Под ред. К. П. Кабашникова (Минск, 1993);

3) **учебную Т.** Белоруссии представляют 108 специальных словарей обучающей направленности. В их числе разнообразные терминологические минимумы, толковые и переводные словари терминов по различным учебным дисциплинам для начальной, средней и высшей школы. Пример таких словарей: Гассиева И. И., Молочко Н. В. Словарь-минимум экономических терминов: Русско-белорусско-англо-французско-арабский: В 2 ч. / Ред. Р. В. Михновец (Минск, 1995—1996);

4) **информационно-указательная (индексирующая) Т.** объединяет в своем составе разнотипные указатели (словоуказатели), индексы, списки и перечни терминов (всего 103 названия), которые чаще всего имеют прикнижный или пристатейный характер, т. е. выступают в качестве словарного приложения к линейным текстам (монографиям, научным статьям) и нелинейным текстам (словарям, энциклопедиям), способствуя поиску необходимых фрагментов этих текстов с тем или иным термином. Пример таких разнотипных указателей: Індэкс // Лексічныя ландшафты Беларусі: Жывёльны свет (Мінск, 1995);

5) белорусская терминологическая энциклопедистика включает в себя более сотни отраслевых энциклопедий и энциклопедических словарей, в которых реестровые термины получают не только краткую дефиницию, но и развер-

нутое энциклопедическое описание стоящих за ними понятий. Пример таких энциклопедических изданий: Беларуская мова: Эцыклапедыя / Пад рэд. А. Я. Міхневіча (Мінск, 1994);

6) **справочная Т.** является совокупностью разнотипных отраслевых справочников (всего 63 названия), в которых наряду с дефинициями терминов представлены краткие справки специализированного характера, системно характеризующие понятийное содержание той или иной отрасли знаний. Пример таких справочников: Современный справочник медицинской сестры / Сост. Н. Б. Садикова (Минск, 2004);

7) развитие **народно-диалектной Т.** способствовало созданию почти шести десятков словарей специально-бытовой лексики белорусских говоров. Пример таких словарей: Корень Н. Д., Шушкевич М. С. Полесская строительная терминология (Хата и хозяйственные постройки) // Лексика Полесья: материалы для полесского диалектного словаря / Отв. ред. Н. И. Толстой (Москва, 1968);

8) **корпусная Т.** Белоруссии насчитывает в своем составе около четырех десятков специальных словарей, созданных «в результате фронтальной расписки замкнутого, четко фиксированного корпуса научных текстов» (Щербин 2002, 187). Пример корпусных словарей: Костюкович Н. Н., Люштик В. В., Щербин В. К. Русско-белорусский словарь математических, физических и технических терминов (Минск, 1995).

Значительно меньше разработаны такие направления белорусской Т., как а) **терминологическая идеография** (14 словарей). Пример: Словарь-тезаурус терминов по вычислительной технике. Ч. 1 / Сост. Ф. Т. Камчатнов, В. В. Шарпов (Минск, 1988); б) **терминологическая глоссография** (12 словарей). Пример: Глоссарий по научной и инновационной деятельности: справочное пособие / Сост. М. И. Абламейко (Минск, 2004); в) **этимологическая Т.** (12 словарей). Пример: Навічэнка Н. М. Тыпы беларускіх музычных тэрмінаў паводле іх паходжання // Тэрміналагічны зборнік "89—90" / Рэд. М. В. Бірыла, А. І. Жураўскі, Л. А. Антанюк (Мінск, 1992).

Еще менее разработанными направлениями белорусской Т. являются следующие ее разделы:

Т. заимствований (в ее составе 9 словарей), классификационная Т. (8 словарей. См. о ней: Шчэрбін 1998; Щербин 2000), электронная (автоматическая, машинная) Т. (7 словарей), терминологическая дериватография (6 словарей), экспериментальная Т. (5 словарей. См. о ней: Щербин 1998), картинная (иллюстративная) Т. (4 словаря), специальная концептография (3 словаря. См. о ней: Щербин 2006; Щербин 2007) и другие терминологические направления, представленные единичными словарями (авторская Т., терминологическая неография, орфографическая Т., орфоэпическая Т., синонимическая Т., статистическая Т. и др.).

Наконец, в качестве основания для выделения различных направлений белорусской Т. можно использовать принадлежность терминов, описываемых в специальных словарях, к той или иной отрасли знаний, к той или иной конкретной терминосистеме. Здесь уместно будет привести высказывание Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова о том, что «каждая наука развивает собственную отраслевую лексикографию» (Верещагин, Костомаров 1980, 216). В зависимости от того, описанию терминологии или терминосистемы какой конкретной науки, научной дисциплины или отрасли знаний посвящен тот или иной специальный словарь, его можно отнести к одному из следующих основных направлений белорусской Т. (в скобках после названия направления указано количество объединяемых им специальных словарей): биологическая Т. (141 терминологический словарь), экономическая Т. (137), историческая Т. (66), математическая Т. (48), лингвистическая Т. и техническая Т. (по 45), юридическая Т. (44), медицинская Т. (43), обществоведческая Т. (37), искусствоведческая Т. (32), сельскохозяйственная Т. (30), географическая Т. (27), физическая Т. (24), архитектурная Т., геологическая Т. и литературоведческая Т. (по 23), военная Т. (21), химическая Т. (20), ремесленная Т. (16), библиотечно-книговедческая Т. (15), психологическая Т. и экологическая Т. (по 13), музыкальная Т., педагогическая Т., политологическая Т. и строительная Т. (по 10), спортивная Т. и Т. информатики (по 8), астрономическая Т. (6), логическая Т. (4), фольклор-

ная Т. (3), астрологическая Т., естественнонаучная Т. и общенаучная Т. (по одному словарю).

Выделение нами перечисленных выше 35-ти отраслевых направлений белорусской Т. является достаточно условным актом. Для справки: уже в самом первом российском «Опыте терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного: в 2-х т.» В. Бунашева (СПб., 1843—1844) были выделены «54 сферы занятий, к которым добавляется несколько сторон житей-бытья русского простолюдья» (Цит. по: Татаринев 1996, 140). Поэтому в случае необходимости многие из выделенных нами направлений белорусской Т. могут быть разделены еще на несколько таких направлений. К примеру, в рамках биологической Т. легко выделяются ботаническая Т. и зоологическая Т. В свою очередь, в рамках лингвистической Т. выделяются, с одной стороны, универсально-лингвистическая Т. (см., например, Булахов 2002—2005), а с другой стороны, грамматическая Т., ономастическая Т., Т. словообразования, Т. стилистики, лексикологическая Т., фонетическая Т. и др. Наконец, в рамках обществоведческой Т. можно отграничить философскую Т., социологическую Т., эстетическую Т., этическую Т. и др.

Конечно, за рамками нашего аналитического обзора основных направлений белорусской Т. остались направления металексикографического характера: теоретическая Т., история Т. (Шчэрбін 1994; Любецкая 2002), социология терминологического словаря (Щербин 1999), сравнительная Т. (Щербин 2005) и др., которые должны рассматриваться, на наш взгляд, в отдельной статье.

Литература

- Булахов М. Г. Опыт исторического словаря русской лингвистической терминологии: В 5 т. Минск, 2002—2005.
Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. М., 1980.
Любецкая К. З гісторыі нямецка-беларускай, беларуска-нямецкай лексікаграфіі і тэрмінаграфіі / Навук. рэд. Г. Цыхун. Мінск, 2002.
Суднік М. Р. Гісторыя ўзнікнення і этапы развіцця беларускай лексікаграфіі старажытнай пары // Працы Інстытута мовазнаўства АН БССР. Вып. IV. Мінск, 1957.

Татаринев В. А. Теория терминоведения: В 3 т. Т. 1. Теория термина: История и современное состояние. М., 1996.

Чарняўская Л. Беларуская тэрміналогія ў дзяржаўных стандартах // Тэрміналагічны бюлетэнь. Мінск, 1999. Вып. 2.

Шчэрбін В. К. Асноўныя этапы тэрмінатворчай дзейнасці // Тэрміналагічны зборнік — “89—’90. Мінск, 1992.

Шчэрбін В. К. Беларуская тэрміналогія і тэрмінаграфія даваеннай пары // Весці Акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. 1994. № 3.

Шчэрбін В. К. Тэрмінаграфія: практычная, нарматыўная і апісальная // Навіны Акадэміі навук Беларусі. 1995а. 21 ліпеня.

Шчэрбін В. К. Асноўныя напрамкі сучаснай беларускай тэрмінаграфіі // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 4. 1995б. № 2.

Шчэрбін В. К. Класіфікатары навуковых напрамкаў як сродак сістэматызацыі гуманітарных ведаў // Гуманітарныя і сацыяльныя навукі на зыходзе XX стагоддзя. Мінск, 1998.

Шчэрбін В. К. Мова навукі і славянская перакладная тэрмінаграфія // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П. М. Машарава. 2003. № 3.

Шчэрбін В. К. Традыцыйныя і новыя напрамкі сучаснай славянскай тэрмінаграфіі // Мовазнаўства. Літаратура. Культуралогія. Фалькларыстыка: XIII Міжнародны з’езд славістаў (Любляна, 2003). Даклады беларускай дэлегацыі. Мінск, 2003.

Щербин В. К. Эвристические функции экспериментальной терминологии // *Vocabulum et vocabularium* (Сб. науч. трудов по лексикографии). Вып. 5. Гродно, 1998.

Щербин В. К. Социология словаря // *Социология*. 1999. № 3.

Щербин В. К. Классификационное направление в современной терминологии // Сучасні праблемы терминологіі та тэрмінаграфіі: Тезі доповідей Міжнар. наук. конф. Київ, 2000.

Щербин В. К. Белорусская корпусная терминология // Слово и словарь: Сб. науч. тр. по лексикографии / Отв. ред. В. В. Дубичинский и др. Гродно, 2002.

Щербин В. К. Белорусская и украинская терминологии: сравнительный анализ // Українська термінологія і сучасність: Зб. наук. праць. Вып. VI. / Відп. ред. Л. О. Сімоненко. Київ, 2005.

Щербин В. К. Роль специальной концептографии в описании языка науки // Терминология 3: изучение и обучение. Материалы Третьей междунар. научно-практ. конф. Минск, 2006.

Щербин В. К. Термин в зеркале специальной концептографии // Актуальные проблемы лингвистики и терминоведения: междунар. сб. науч. тр., посвящ. юбилею проф. З. И. Комаровой. Екатеринбург, 2007.

Оригинальный подход к терминографии как науке о создании терминологических словарей

(Рецензия на кн.: И. С. Кудашев. Проектирование переводческих словарей специальной лексики / University of Helsinki. Department of Translation Studies. Helsinki: Helsinki University Print, 2007. 443 с.)

Рецензируемая монография Игоря Сергеевича Кудашева «Проектирование переводческих словарей специальной лексики» всецело посвящена отраслевой терминографии и терминографическому конструированию. Обозначенная в заглавии тема монографического исследования — словарное проектирование — позволяет вовлечь в круг обсуждаемых проблем самые актуальные и подчас самые острые проблемы современного переводоведения и терминографии, осветить широкий проблемный спектр этой сейчас уже весьма разветвленной области знаний. Обсуждение проблем создания терминографических произведений создает в свою очередь продуктивный субстрат для рассмотрения проблем перевода специальных текстов.

Книга состоит из введения, 13 глав, заключения, литературы и приложения, содержащего публикации и доклады соискателя по освещаемой им теме. Исследовательской базой послужил анализ разного рода лексикографической и терминоведческой литературы, словарей и словарных проектов, результатов переводческих опросов. Наличие английских эквивалентов основных понятий терминографии и постоянного обращения к работам зарубежных терминоведов и переводоведов значительно обогащает работу, устанавливая ее сопряженность с

мировым лексикографическим процессом.

В первой главе «Понятийный и терминологический аппарат, необходимый для проектирования словаря» обсуждается (через целый ряд дедуктивных шагов-умозаключений) проблема словаря как лексикографического произведения, вырабатывается дефиниция словаря, в наибольшей мере соответствующая его сущности, способная рельефно обозначить его место среди других справочных изданий. Здесь фактически задаются все параметры описания словарной продукции, которые затем последовательно развертываются в следующих главах; устанавливается минимальный состав словаря и эвентуальные параметры самых амбициозных словарных проектов. Выделяются видовые признаки словаря, и в частности, опубликованность, фрагментарность, лаконичность описания, реальный и конвенциональный смысл разделения на левую и правую части, состав и содержание этих частей словаря. Особо автор останавливается на проектируемых параметрах словаря и этапах его создания, подчеркивая невозможность установления универсального и жестко заданного разделения на этапы.

Во второй главе «Классификация факторов, влияющих на характеристики словаря и процесс его создания» выделяется целый ряд факторов, действовавших в процесс создания словаря. Среди таких факторов, к примеру, потребности самих пользователей, связанные с особенностями поиска и восприятия информации и особенности лексикографируемого материала как разновидности языка для специальных целей.

Третья глава «Лексикографируемый материал. Типы специальных единиц» посвящена обсуждению характеристик языка для специальных целей, классификации его единиц. Рассматриваются классы специальной лексики — как лексические, так и морфолого-синтаксические, в ходе рассмотрения производится уточнение соответствующих категорий.

Четвертая глава «Пользователи словарей специальной лексики» особое внимание уделяет такому классу

пользователей, как переводчики, в плане их компетенции (предметной, лингвистической, лексикографической), их информационных и других лексикографических потребностей. Среди полученного автором выводного знания необходимость оценки предметной и лингвистической компетенции переводчиков по каждому из языков словаря, более того, необходимость отдельной оценки лингвистической компетенции в области языка для общих целей и языка для специальных целей.

Рассматривая требования к переводам специальных текстов, автор в качестве дополнительного выдвигает требование отсутствия в переводе эмоционально-экспрессивных средств (с. 137) — согласиться с таким требованием вряд ли возможно, ведь в целом ряде специальных текстов — в научной статье, в докладе на конференции, в лекции такие средства, как правило, присутствуют. Другой вопрос — что эмоциональный и экспрессивный заряд здесь иной, чем в художественных, публицистических или разговорных текстах. Поэтому, как полагаем, такое требование лучше не включать в перечень требований к переводу (даже дополнительных).

В пятой главе «Назначение переводческих словарей специальной лексики» речь идет об ориентации словаря на обслуживание определенных видов деятельности; дается классификация видов деятельности. Процесс перевода разбивается на этапы, представляющие собой типичные действия переводчика. Говоря о назначении словарей, И. С. Кудашев подчеркивает, что «словарь должен обеспечивать переводчика готовыми соответствиями даже в случае отсутствия естественных эквивалентов в языке перевода, а не просто давать толкование или констатировать факт безэквивалентности» (с. 146—147). В то же время «готовые соответствия» не означают готовых решений на перевод в автоматическом режиме.

В шестой главе «Выбор носителя для переводческого словаря специальной лексики» ведется обстоятельный разговор о плюсах и минусах электронного и книжного форматов словаря.

В седьмой главе «Проектирование связей словаря с другими изданиями» речь идет о создании серий словарей и о других плановых действиях по конструированию лексикографических комплексов. Указывается на необходимость перехода к системному лексикографированию, означающему тщательное предварительное проектирование всей словарной системы.

В восьмой, самой объемной главе «Проектирование основного содержания переводческого словаря специальной лексики» внимание сосредоточено на словнике отраслевого словаря и на информации о составляющих его лексических единицах. Автором подчеркивается, что «состав словника переводческого словаря в большой степени зависит от выходного языка, точнее, от различий между входным и выходным языком (...), состав словника зависит от выходного языка также в том отношении, что он во многом определяется тематикой общения коллективов входного и выходного языков» (с. 170—171). Особое внимание обращается на общепотребительную лексику в специальном словаре, так как в связи с ее семантической модифицируемостью в отраслевом тексте она может стать носителем серьезных проблем специального перевода. Автором детально освещаются проблемы, связанные с выделением классов общенаучной, межотраслевой и собственно отраслевой лексики. И. С. Кудашев указывает, что «ядро специальной лексики любой отрасли знаний составляют собственно специальные единицы — наименования объектов и предметов данной отрасли знаний, а также отношений между ними. Специальная лексическая единица считается относящейся к данной области знаний в том и только в том случае, если она определяется в ней с точки зрения данной отрасли знаний, т. е. отлично от смежных и вышестоящих областей» (с. 99).

Особый подраздел составляет соотношение типов информации и способов ее выражения. Ставятся проблемы детализации типов информации и глубины их презентации. В вопросе формирования состава словника указывается на важность специфики лексикографируемой предметной области, состава словника ранее изданных словарей аналогичного профиля, квалификации терминографов, задействованных в словарном проекте людских и материально-технических ресурсов.

В разделе «Информация о значении» рассматривается вопрос об идентифицирующей информации и других типах информации, характеризующих семантику специальных единиц. В разделе «Информация о системных связях» автором обращается внимание на информацию о понятийных отношениях, об омонимии, полисемии, синонимии, антонимии, о пе-

реводческих соответствиях. В связи с тем, что «различные виды единиц могут потребовать разного лексикографического описания (...), необходимо составлять информационные профили единиц словника и на их основе разрабатывать классификацию словарных статей» (с. 397).

В девятой главе «Проектирование дополнительных частей переводческого словаря специальной лексики» обсуждены содержание, структура и пространственное расположение лексикографических блоков, локализуемых вне пределов собственно корпуса словаря. В десятой главе «Проектирование средств экономии и компрессии информации в переводческом словаре специальной лексики» автор задается вопросами рационализации презентации словарной информации. В одиннадцатой главе «Проектирование основного корпуса переводческого словаря специальной лексики» поэтапно, с точки зрения практической целесообразности, описывается проектирование словарных статей и трудности с установлением порядка их следования.

В двенадцатой главе «Проектирование средств навигации в переводческом словаре специальной лексики», наряду с описанием существующей практики, даются рекомендации по оптимизации комбинирования графических средств, помогающих ориентации пользователя в его информационном поиске на разных структурных уровнях словаря. В тринадцатой главе «Планирование словарного проекта. Проектная документация» планирование словарей рассматривается через призму общей теории управления проектами.

Общее впечатление от работы можно было бы выразить с помощью «метафоры рудокопа»: автор во что бы то ни стало хочет докопаться до истины, проникнуть вглубь понятий, чтобы доподлинно знать, что кроется за толщей слов, имеющих хождение в лексикографии и терминографии. Автору это в полной мере удается. Метаязык автора — очень продуманный и отработанный; очевидно, что он опирается на большой массив изученной литературы предмета, чем обеспечивается сохранение и продолжение традиции лексикографического описания: при обнаружении тех или иных несовершенств в терминологическом аппарате автор стремится их устранить, восполнить пробелы, и с этой задачей он также справляется.

Монография И. С. Кудашева представляет собой классический научный труд, в классическом стиле, и, безусловно, с учетом последних веяний в исследуемой области. К неотъемлемым качествам этого труда относятся научная добросовестность, аргументированность, внимательность, скрупулезность, точность метаязыка описа-

ния, при этом с элементами вариативности и толерантности. Возможно, в работе мог бы более отчетливо обозначиться оценочный компонент в виде более ангажированных авторских комментариев к спорным положениям. Если скромность авторского стиля и умение не навязывать свое мнение, предоставляя читателю возможность «самому разобраться», могли бы стать поводом для упрека в бесстрастном объективизме, то этот малый недостаток все равно с лихвой компенсируется информированностью, детализирующим характером описания. От чтения такого текста создается впечатление истинной научной завершенности, расстановки всех точек над *i*. Очевидно, что в данном случае мы имеем дело с новым поколением лексикографов, со сформировавшимся компьютерным лексикографическим мышлением.

Работа содержит большой научный заряд и выходит за рамки собственно лексикографии. Впрочем, это и сама лексикография давно вышла за рамки отведенного ей когда-то места чисто прикладного инструмента освоения мира, охватывая все новые пространства, куда проникает человеческая интеллектуальная мысль, и работа И. С. Кудашева своим научным, гносеологическим подходом отражает эту истину.

Очевидно, что к такому результату автор приходит благодаря использованию в работе своего богатого опыта лексикографа-практика — составителя-участника проектов, реализованных Хельсинкским университетом: «Финско-русского лесного словаря», «Финско-русского словаря по социальному обеспечению» и «Англо-финско-русского словаря лексики программ соседства».

Выработанные И. С. Кудашевым общие рекомендации по проектированию и созданию словарей благодаря их надежным теоретическим основам и прочному базированию на лексикографической практике представляют собой несомненную теоретическую и практическую ценность. Подкупает глубокая и нюансированная проработка проблем современной отраслевой лексикографии. Ведь отраслевая лексикография — это основа основ современной науки, техники, производства, дидактики, всего обустройства специальной и бытовой сферы.

В целом книга И. С. Кудашева оказалась пронизанной не только оригинальным научным подходом, но и простым здравым смыслом, который зачастую отсутствовал в терминографии долгие годы.

В. Г. Кульпина,
доктор филологических наук
В. А. Татаринová,
доктор филологических наук
(Москва, Россия)

Принципы обоснования общенаучной терминографии

(Рецензия на «Польско-русский общенаучный словарь»
В. Г. Кульпиной / Отв. ред. В. А. Татаринов.
М.: Московский Лицей, 2007. 304 с.)

Рецензируемое лексикографическое произведение является третьим после [1, 2] в серии учебно-терминологических двуязычных словарей общенаучной лексики. Как отмечает автор, «цель словаря — научить правильно понимать и переводить соответствующие научному жанру метатермины» [с. 275].

Словарь адресован переводчикам научной литературы, преподавателям польского и русского языков, библиографам и широкому кругу ученых, работающих со специальной литературой на данных языках.

Польско-русский общенаучный словарь В. Г. Кульпиной описывает, как отмечено на титульном листе, более 5000 терминов, выражений и речевых клише. Вопрос о том, какую лексику целесообразно включать в общенаучный словарь, остается дискуссионным. Типология единиц, включенных в словарь разнообразна:

- 1) слова (апеллятивная лексика), в том числе сложные слова;
- 2) имена собственные — имена известных ученых, имеющие общенаучную значимость и часто встречающиеся в научной литературе (например, *Perybles, Freud*);
- 3) неадаптированные слова из различных иностранных языков;
- 4) аббревиатуры;
- 5) предлоги, сложные книжные союзы, местоимения и их сочетания (например, *albowiem* «потому что», *kiedy to* «вместе с тем»);
- 6) единицы меньше слова (например, *ultra-, proto-*);
- 7) словосочетания, фразеологизмы, паремии, в том числе известные высказывания великих ученых о науке.

Представленное лексикографическое произведение выгодно отличается своеобразием с точки зрения как макроструктуры, так и микроструктуры. Автором смоделирована целостная и взаимоувязанная система подачи описываемых лексических единиц. Семантизация некоторых переводных эквивалентов, система перекрестных отсылок, научная метафорика, представленные в словаре, широко раздвигают границы обычного переводного словаря.

Среди лексики, употребляемой ученым миром, есть какой-то костяк, какая-то ядерная лексика, которая употребляется всеми учеными, независимо от той конкретной науки, которой они служат [3]. Принцип опре-

деления такого пласта лексики именно и положен в обоснование отбора лексических единиц, описываемых в данной работе.

Концепция словаря основана на лексикографировании общенаучной картины мира. Речь идет об отборе и описании такого лексического материала, который бы представил единую научную картину — «осмысление образов мира, лежащих в основе жизнедеятельности, культуры и практики человека» [4, с. 334].

Научные знания проецируются в сферу научной коммуникации, что дает нам право определить рецензируемое лексикографическое произведение как словарь активного типа, направленный на умение пользователя породить высказывания на описываемых в словаре языках.

Среди терминов обычно выделяют общенаучную, специальную, узкоспециальную лексику. Существуют и некоторые другие классификации. По мнению автора рецензируемого словаря, общенаучная терминология — это «исторически сложившаяся система высокоабстрактных понятий и соответствующих им терминов, служащих сообществу ученых как инструмент при выполнении учеными своих профессиональных задач по изучению научных объектов и установлению взаимосвязей между ними, проецированию научных достижений в практику» [с. 259—260].

Главными источниками общенаучных понятий автор считает филосо-

фию, гносеологию, эпистемологию, логику, герменевтику, эвристику, когнитивную и педагогическую науку. «Основа изучения общенаучной лексики — это научное изучение языка науки» [с. 263]. Такой подход подтверждает мнение В. А. Татаринова, что составляющими общенаучного лексикона являются слова, имеющие постоянное значение независимо от терминосистемы, в которой они функционируют; это лексика, с которой начинается категоризация мира через призму данной науки; именно категориальный статус общенаучных слов дает им право называться терминами [5, с. 237].

Продолжая идеи В. А. Татаринова, вопрос о принадлежности общенаучной лексики к терминологии автор словаря решает оригинально и научно обоснованно: общенаучная лексика выступает как функциональная разновидность словарного состава естественного языка, соотносящаяся с терминологической лексикой как его самая абстрактная часть [с. 271].

Польско-русский общенаучный словарь красноречиво свидетельствует о рождении нового направления лексикографических исследований — общенаучной терминографии. Сегодня можно смело утверждать, и это подтверждает данный словарь, что основой общенаучной терминографии является моделирование единого человеческого когнитивно-терминологического континуума, создание которого дает возможность привести в переводческое соответствие многие современные терминосистемы.

Литература

1. Heidrich H. Allgemeinwissenschaftlicher Wortschatz Englisch. Leipzig, 1984.
2. Татаринов В. А. Немецко-русский общенаучный словарь. М., 2004.
3. Gajda S. Współczesna polszczyzna naukowa. Opole, 1990.
4. Микешина Л. А. Философия науки. М., 2005.
5. Татаринов В. А. Общее терминоведение: Энциклопедический словарь. М., 2006.

В. В. Дубичинский,
доктор филологических наук,
профессор
(Харьков, Украина)

Хроника терминологических событий

В декабре 2008 г. член Комиссии по терминоведению от Болгарии Мария ГАНЧЕВА ПОПОВА избрана в члены-корреспонденты Болгарской академии наук. Впервые в истории терминоведения академиком избран терминолог. Мы поздравляем Марию ГАНЧЕВУ ПОПОВУ и желаем дальнейших научных успехов во благо терминоведения.

В. К.

В марте 2008 г. в Московском гуманитарно-педагогическом институте был создан Научно-исследовательский терминологический центр, в задачи которого входят:

— проведение диссертационных исследований терминоведческой тематики (в настоящее время открыт прием в аспирантуру по терминологическим темам; утверждены две темы кандидатских и одна — докторской диссертации по терминологии);

— организация в рамках ежегодных конференций МГПИ терминологической секции;

— подготовка к публикации материалов по результатам проведенных исследований.

23—25 апреля Терминологическим сектором Института литовского языка АН Литвы была организована конференция «Лексикология и терминология: теория, практика и история», на которой был заслушан доклад С. В. ГРИНЕВА «Лексикография и терминоведение», в котором рассматривались области пересечения терминоведения и лексикографии; роль различных типов словарей в терминоведении; использования данных исторического развития терминологий как средства исследования и реконструкции развития национальных и общих представлений человека; проблемы качества словарей, методов проверки и повышения качества.

На конференции был заслушан доклад известного литовского терминоведа Ионаса КЛИМАВИЧУСА «Литовский язык и общество: общие и терминологические аспекты», содержащий анализ современной терминологической ситуации в литовском языке и критику непродуманных решений в упорядочении и развитии литовской терминологии. Сольвейга СПРИНДИЕНЕ в сообщении «Проблемы реставрационной терминологии», представила результаты изучения проблем развития знания, вызванных отсутствием терминологии. Робертас СТУНЖИНАС в сообщении «Литовская строительная терминология в 1910—1937 годы» рассмотрел способы образования более 1400 терминов, появившихся за указанный период, и обратил внимание на то, что преимущественное использование семантиче-

ского терминообразования указывает на ранний этап складывания национальной строительной терминологии. В сообщении Аниты ШЧУЦКЕЙ (Латвия) «Лексические кальки и терминология» проанализированы как проблемы идентификации и классификации калек в терминологии, так и разногласия в номинации калькирования в ряде языков.

В июне 2008 г. на конференции «Лингвистические парадигмы XXI века», организованной Высшей школой финансов и управления Белостока (Польша), был представлен ряд докладов терминологической тематики.

В докладе С. В. ГРИНЕВА-ГРИНЕВИЧА и Я. ЗАНЕВСКОГО «Современное состояние и перспективы развития антропологической лингвистики» обсуждались основные положения недавно сформировавшейся на базе исторического терминоведения научной дисциплины — антропологической лингвистики и итоги исследований в этой области за последние четыре года. Были представлены основные проблемы отдельных направлений исследований, соответствующие основным этапам эволюции сознания человека и основным разделам антропологической лингвистики и предложен ряд направлений дальнейших исследований.

Доклад известного зарубежного терминоведа Хериберта ПИХТА «Профессиональная коммуникация, культурный дискурс и лингвистика» был посвящен рассмотрению особенностей профессиональной коммуникации в контексте современных лингвистических исследований. Обращая внимание на то, что в профессиональном общении нередки ситуации выхода за пределы вербальных средств коммуникации, докладчик предложил расширить понятие прикладной лингвистики с учетом широкого семиотического подхода и включением невербальных форм представления специальных знаний.

В сообщении Евы ЛИГОЦКОЙ «Сопоставление английской и польской терминологии (на материале лексикологической терминологии)» были представлены результаты многоаспектного анализа английской лексикологической терминологии (в сопоставлении с польской). Материалом исследования послужили около пяти сот английских терминов, значительная часть которых отсутствовала в английских учебниках и была извлечена из учебников по английской лексикологии, изданных в России и Германии. Проанализированы такие явления, как синонимия, полисемия, омонимия и межъязыковые соответствия терминологий. Кроме того, в цели исследования входило определе-

ние состояния английской и польской лексикологической терминологии и установление особенностей образования новых терминов.

В августе в Москве были проведены ежегодная встреча экспертов Технического комитета 37 «Терминология и другие языковые и содержательные ресурсы» Международной организации по стандартизации и Международная конференция «Терминология и информационное взаимодействие — управление знаниями и содержанием».

В рамках Комиссии 1 ТК 37 «Принципы терминологии» рассматривались очередные уточнения к международным методическим материалам.

Конференцию с приветственным обращением к участникам конференции открыл заместитель председателя Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии Э. ПЕТРОСЯН. Затем были представлены пленарные доклады К.-С. ЧОЯ (Корея) «Стандарты, их использование и перспективы управления языковыми ресурсами» и В. Е. ГАЛКИНА, А. Д. КОЗЛОВА и С. В. ГРИНЕВА «Теория и практика стандартизации терминологии в России». На секционных заседаниях были рассмотрены следующие сообщения:

К. ГАЛИНСКИЙ (Инфотерм) «Терминология в Сети (доступность), с помощью Сети (распределение) и путем Сети (создание)»;

А. В. ГОРЯЧЕВ (Россия) «Управление многоязычной терминологией в корпорации Майкрософт»;

Р. ВАЙССИНГЕР (МОС) «База данных понятий МОС»;

А. ДРАМЕ (Инфотерм) «Разработка хорошей политики планирования и управления терминологией»;

М. КЕМПС-СНИЙДЕРС, М. ВИНДХОУВЕР, П. ВИТТЕНБУРГ (Нидерланды), С.-Э. РАЙТ (США) «МОСкат: пересмотренный ТК 37 регистр категорий данных МОС»;

Р. ПОН (Австрия) «Стандартизация многоязычного описания продукции снижает сложность коммерческих процессов»;

В. Ф. НОВОДРАНОВА (Россия) «Разработка словарей интернациональных морфем: история и современность»;

К. С. ЧОЙ (Корея) «Вопросы для установления отношений и полноты онтологии»;

Л. РЫЧКОВА (Белоруссия) «Терминология управления языковыми ресурсами в Белоруссии»;

В. М. ЛЕЙЧИК, Е. А. НИКУЛИНА (Россия) «Оптимальные способы терминологической номинации (специальное понятие: обозначается или выражается с помощью термина)»;

И. КУДАШЕВ, И. КУДАШЕВА (Финляндия) «Особые характеристики переводных терминологических словарей»;

Х. Й. КОКЕРТ (Бельгия), В. Е. АНТИА (Нигерия) «Можно ли моделировать понятия на основе Унифицированного языка моделирования и двух терминологических стандартов МОС?»;

С. Д. ШЕЛОВ «Дефиниции терминов в нормативных словарях и компьютерном представлении знаний»;

Л. ВАРБУРТОН (Канада) «Выбор терминов как драйвер регулирования терминологии в деловой среде»;

Д. ЧАПИН (Великобритания) «Как семантика бизнес-словаря и бизнес-правил дополняет терминологические стандарты МОС».

В октябре — декабре 2008 г. в г. Белостоке (Польша) были впервые прочитаны курсы «Введение в терминоведение» в Высшей школе финансов и управления Белостока (20 часов) и Университете Белостока (30 часов) и принято решение о включении этих курсов в обязательную программу подготовки магистрантов.

В декабре на научно-методической конференции Московского гуманитарно-педагогического института была организована терминологическая секция, на которой были заслушаны доклады и сообщения об исследованиях возможности использования словарей синонимов при сборе специальной лексики, о сопоставлении английской и испанской терминологии вооружений, о народной терминологии, о применении метода семантических полей в исследовании терминологии.

С. В. Гринев-Гриневич,
доктор филологических наук,
профессор
(Белосток, Польша)

С 30 сентября по 2 октября 2008 г. во Львове (Украина) проходила 10-ая Международная научная конференция «Проблемы украинской терминологии. СловоСвіт 2008». Эта конференция проводится каждые два года под эгидой Министерства образования и науки Украины. Ее соучредителями, кроме Национального университета «Львовская политехника», являются Госпотребстандарт Украины, Технический комитет стандартизации научно-технической терминологии, Научное общество им. Т. Шевченко, Львовское отделение Всеукраинского общества «Просвіта» им. Т. Шевченко и Украинский терминологический центр Америки (США и Канада).

На конференции работали секции «Теоретические основы терминоведения и лексикографии. Стандартизация терминологии», «Лексикография и межъязыковые связи», «Терминология естественных наук», «Терминология гуманитарных наук».

Проблемы, которые рассматривались на конференции, освещены в двух сборниках: 1. Вестник: Проблемы украинской терминологии. Львов, 2008; 2. Проблемы украинской терминологии: Сборник научных трудов. Львов, 2008.

Теоретические основы терминоведения и лексикографии, проблемы стандартизации украинской терминологии нашли свое отражение в статьях многих авторов. Так, Т. КИЯК исследует проблему автоматизированного реферирования текста. Автор считает, что в связи с информационным бумом, когда общее количество информации удваивается через каждые 8—10 лет, актуальной становится проблема обработки фактографической информации с помощью компрессии текста в виде аннотации или реферата. Такой поиск предлагается делать по формуле, которая определяет количество лексических связей между предложениями и функциональный вес каждого предложения в исследуемом текстовом массиве.

Проблема автоматизированной обработки текста затрагивается также в работе Л. ПШЕНИЧНОЙ.

В ряде работ исследуется проблема синонимии в терминологической лексике, дается анализ трактовок понятий «синонимы», «варианты», «дубликаты» (О. МАРТЫНЮК, Ю. ТЕГЛИВЕЦ).

В поле зрения украинских терминологов находится также проблема выбора между заимствованным и собственным термином. И. КОЧАН подчеркивает, что необходим взвешенный подход к выбору между заимствованными и своими терминами, т. к. довольно часто первые являются основой словообразовательных гнезд, кроме того, они прочно вошли в терминологическое поле определенной области знаний.

Было проанализировано современное состояние национальной системы стандартизации, ее правовые и организационно-методологические основы, сформулированы основные задания совершенствования национальной системы стандартизации (З. КУНЬЧ, Я. ЮЗЬКИВ). Также внимание уделено стандартизации названий химических элементов и использованию их в образовании и науке (М. ГАНИТКЕВИЧ, М. НИКИПАНЧУК).

А. МЕДВЕДЕВ рассмотрел пути развития украинской научно-технической терминологии, подчеркнув, что наиболее перспективным является создание терминов на основе собственно украинских языковых средств.

Лексикография и межъязыковые связи. В этой рубрике были рассмотрены виды, типы словарей, их классификация, прослежена история лексикографического описания украинских терминов в разных сферах науки и техники (М. КОМОВА, С. ДОРОШЕНКО, Е. ЛЕВЧЕНКО).

Была оценена появившаяся электронная версия академического «Русско-украинского словаря» под редакцией А. КРЫМСКОГО и С. ВФРЕМОВА (1924—1933) как источник собственно украинской лексики, удачных словообразовательных моделей, языковых конструкций и устойчивых выражений, заимствований иностранных слов и их адаптации в системе украинского языка (Е. КАРПИЛОВСКАЯ, О. КОЧЕРГА, Е. МЕЙНАРОВИЧ).

Р. МИСАК проанализировал два подхода к составлению словарей: от бумажной версии к электронной и наоборот.

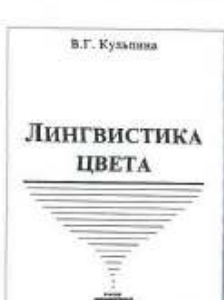
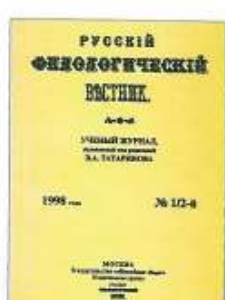
Исследовались принципы составления таких отраслевых словарей, как «Украинско-русский словарь терминологии строительства и архитектуры» (Л. ПОЛОГА и др.), «Украинско-латинско-английский медицинский энциклопедический словарь» (Л. ПЕТРУХ, И. ГОЛОВКО), «Англо-украинский геодезический словарь» (Ф. ЗАБЛОЦКИЙ, А. ЗАБЛОЦКАЯ, А. ГАСЬКО).

В разделе «Терминология естественных наук» были затронуты проблемы формирования таких отраслевых терминосистем украинского языка, как электроника (Т. БАРДИЛА, Л. СНИЦАРУК), химотология (С. ВОЙЧЕНКО, В. НОВИКОВА, Л. ЧЕРНЯК, Т. ЛУГАНОВА), архитектура (Н. БИЛАН), товароведение кондитерских товаров (И. СИРОХМАН, Т. ЛОЗОВАЯ), горное дело (Е. КОЛГАН), транспортная терминология (Н. НИКУЛИНА), терминосистема инженерного программирования (Н. МИЩЕНКО). Также обсуждались вопросы терминообразования в физике (Я. ДОВГИЙ, Р. ПЛЯЦКО, И. ПРОЦИК), стандартизации вероятностно-статистической терминологии (Ю. МИШУРА, Г. ШЕВЧЕНКО, Р. ЯМНЕНКО), паронимии в медицинской терминологии (О. ГЕРАСИМЕНКО, О. РОМАНОВА), национальной лексики в терминосистеме косметики и косметологии (Н. ГИММЕР).

Раздел «Терминология гуманитарных наук» был посвящен проблемам становления и современного состояния терминосистем национальной безопасности (Г. БАШНЯНИН и др.), гражданской защиты (Е. КУЧЕРЕНКО), спорта (Л. ХОРУЖЕВА, В. ШЕПЕЛЮК), цвета (А. МИЩЕНКО). В одной из работ был представлен анализ развития смысловой структуры термина «парадигма» и его современного понимания (Н. АНДРЕЙЧУК). Были затронуты также вопросы лингвистической прагматики и терминоподполнения ее основных направлений: микропрагматики, макропрагматики и мегапрагматики (Ф. БАЦЕВИЧ).

Л. А. Васенко, доцент
О. М. Кримец, доцент
(Харьков, Украина)

Публикации Российского терминологического общества *РоссТерм*

СЛАВЯНСКОЕ ТЕРМИНОВЕДЕНИЕ

1

2009

«Славянское терминоведение»
является органом Комиссии по терминоведению
Международного комитета славистов.

«Славянское терминоведение»
предлагает продолжить мыслительные традиции изучения
сущностно-философского предназначения терминологий
в национальных языках.

«Славянское терминоведение»
ставит своей целью консолидировать усилия ученых
в развитии полиаспектной методологической базы
терминоведения и тем самым внести вклад
в поддержание уникального интеллекта homo sapiens.

«Славянское терминоведение»
продолжит публикационные традиции
Российского терминологического общества,
издававшего в 1993–2000 гг. журналы «Терминоведение»,
«Терминологический вестник»,
«Русский Филологический Вестник»,
«Русский Исторический Вестник», «Вопросы полонистики»,
«Функциональные исследования»
и «Лингвистическая серия РФВ».

При журнале учреждается «Международная библиотека
журнала „Славянское терминоведение“».

«Славянское терминоведение»
надеется на сотрудничество как с классическими
терминологическими школами, так и с новыми
терминологическими организациями и институтами.

СЛАВЯВ ТЕРМ

ISBN 978-5-7611-0475-4

9785761104754

МОСКВА
МИНСК